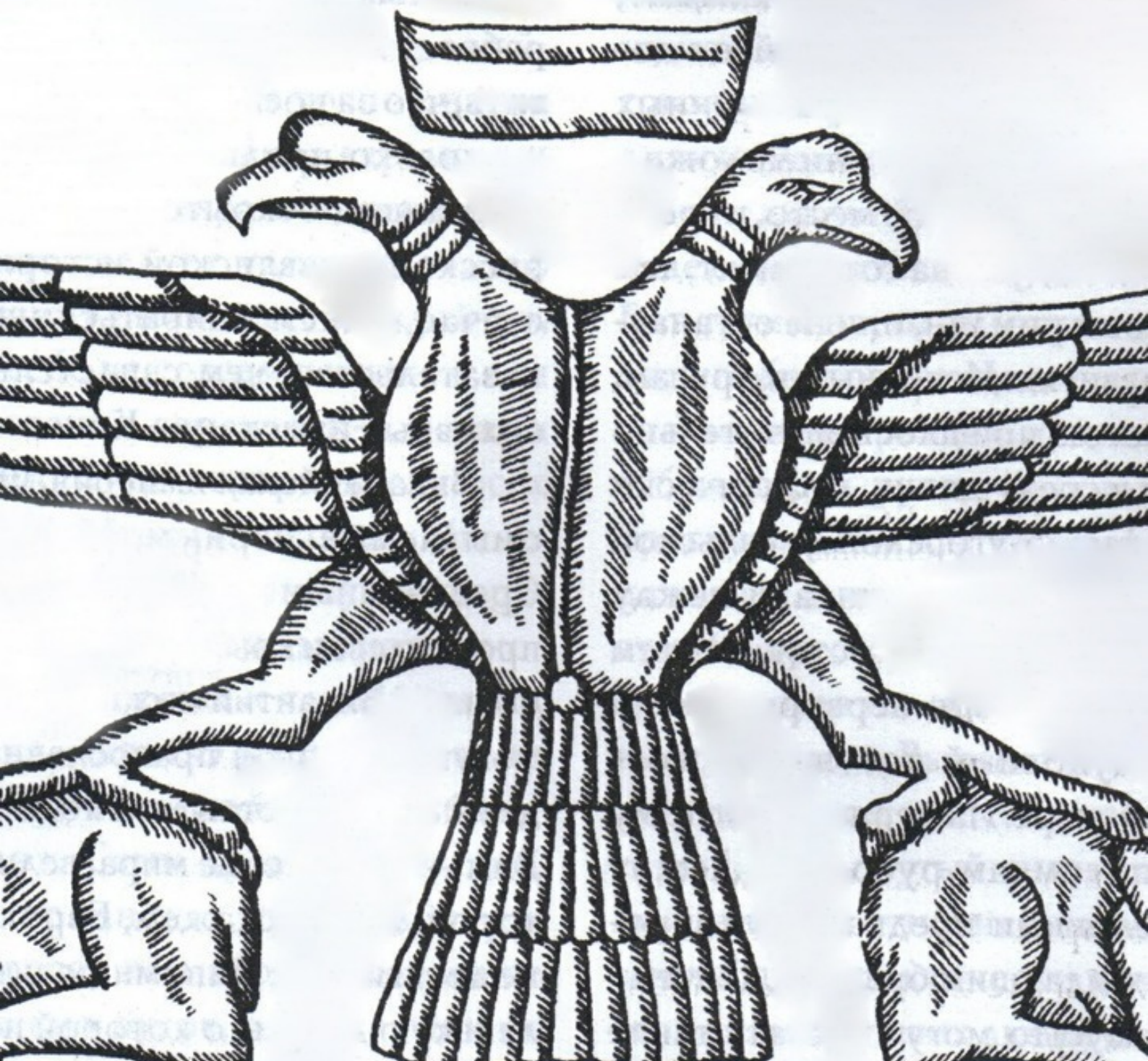

Меир Ландау
Сага о Рождённом Землѣй

Меир Ландау

Сага о Рождённом Землѣй

«Издательские решения»

Ландау М.

Сага о Рождённом Землёй / М. Ландау — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907806-3

12 ст. до н. э. Греки подступили к стенам Трои. В бою погибают царевицы Геркле и Парис. Умирает царь Приам. На трон возводят малолетнего сына Геркле — Тага. Ровно через три дня Троя пала. Таг сбрасывается со стены, не желая попадать в руки врага. В степях появляется армия таинственного вождя Мастарны. Греки называют их скифами. Книга — фэнтезийная интерпретация биографии последнего хеттского царя Сиппулилумы III. Автор не рекомендует её идеалистам. Это не красивая легенда, а драма целого народа.

ISBN 978-5-44-907806-3

© Ландау М.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Вступление	8
Глава 1	12
Глава 2	23
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Сага о Рождённом Землѣй

Меир Ландау

*Говорили Боян и Ходына,
Святослава певцы и времён Ярослава,
Любимцы Олеговы:
«Тяжело без плеч голове,
Худо телу без головы.»
(«Слово о полку Игореве»; 12 столетие)*

© Меир Ландау, 2018

ISBN 978-5-4490-7806-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Таг (Tagес) – бог-пророк. По преданию, Таг появился из земли во время пахоты в виде младенца с седыми волосами. Он пропел священное учение окружившим его Лукумонам.

Событие относят к XII веку до н.э.

ЗАПЕВ

«Не лепо ли бяшетъ братия почати старыми словесы трудныхъ повестей...»

Каждое слово начинается с первой буквы...

Каждый путь начинается с первого шага...

Каждая сага начинается с первого звука...

Каждая жизнь начинается с первого вдоха...

Кто Ты, Звёздный Странник? Зачем явился на сей белый свет и когда, где раздался твой первый крик? В чём тайна Твоих Заветов? Где хранятся Они, диктующие нам Основы самой Жизни и протестующие против самой системы вещей? В чём Их Корень? В чём Их Смысл?

Твои Заветы, простые и понятные всем, это самое лучшее из того, что когда-либо было подарено человечеству. Тогда почему Тебе суждено оставаться Вечным Мятежником? Почему Ты вдохновляешь тех, кто гоним при жизни своей, и кто превозносится людьми после своей смерти? И это только потому, что светит светом Твоим во тьме мира сего... Где Ты преклонил Свою голову? Или, может быть, Ты никогда не умирал? Нет! Ты вечен! Поскольку вечна Высшая Совесть! Поскольку вечна Твоя Великая Клятва! Поскольку вечна сама Жизнь...

Ты пропел Гимн Жизни и указал Путь своему народу. Ты научил оставаться человеком везде и всегда, и превознёс детей человеческих превыше всех богов!

Ты хотел быть обыкновенным ребёнком как и все дети. И был рождён им, рождённый как все дети и воспитываемый как все сыновья человеческие, прожив на земле не более двенадцати лет.

Ты просто хотел жить, радоваться жизни, любить и быть любимым, и унаследовать долю всех твоих ровесников... Но судьба распорядилась иначе когда к стенам Твоего города подступили враги. Именно Тебе вручил злой рок скипетр власти. Словно злой насмешкой судьбы легла на Твою голову диадема верховных правителей. Словно смертным приговором прозвучало Твоё Имя, как имя Царя Царей. И Ты принял свой народ в его роковой час! И только Ты, слабый ребёнок, а не войско могучих богатырей, победил и низвергнул врагов!

Исчезает ореол романтики, когда ясно себе представляешь эпоху в которую Тебе довелось жить. Рыцарские романы замешивались на крови, и героический эпос писался кровью убиенных младенцев. Боевые трубы вторили воплям терзаемых детей и женщин. В блеске сокровищниц древних королей до сих пор сверкают огни пожарищ, а в горных ущельях по сей день отдаётся эхом последний вздох умирающего воина... ..

Пылающая степь. Разбойничьи орды надвигающиеся с востока и юга. С севера и запада напалзает банды голодных дикарей дремучих лесов. Вот и вся романтика... Тебе было суждено спасти от гибели тот народ, который до сих пор, как и в Твоё время, зовётся тем же именем. Этом имени звучит цвет его русых волос. Ты принял его ограбленным и беспомощным для того, что бы оставить Народом – Богоносцем, подарившим Миру те величайшие сокровища, которыми гордится теперь сей Мир, называя Сокровищами Человечества! И кто знает, как бы повернулась человеческая история, если бы Твоя мать не подарила бы Тебя людям... А Ты подарил народу своему великий дух! И имя народа Твоего до сих пор, со страхом, произносят враги! Потому что Дух народа Твоего, подаренный ему Тобой, не постижим иным народам! А значит, народ сей непобедим! А с ним непобедимы и потомки Твоих современников!

И поэтому народ Твой выжил! И воспрянул! Поднял главу свою, что бы стать ещё более могучей и грозной империей чем в годы Твоих отцов и дедов! Что бы стать той страной, тем народом, из которого полился Свет Знания и Просвещения, Свет Духа Святого, всему человечеству неся Свет во тьме. Ибо в те грозные времена именно Тебя сама Судьба избрала, подводя к престолу предков, что бы спустя тысячелетия прогремело ценой Твоей Жизни Гордое Имя – Святая Русь!

Ты был Скамандрий, Сын Гектора, внук Приама, Потомок Божественного Лабарны. Но всё это забылось во тьме веков, унеслось вслед за ветром времён, потому что Ты вошёл в историю человечества, встав рядом с его Многомудрыми и Блаженными Отцами и Учителями, что бы назваться в грядущих поколениях Таг Всемогущий!

«Солнечный бог небес, человечества пастырь!

Ты из моря выходишь, из моря – сына небес,

и устремляешься вверх, к небесам.

Солнечный бог небес, господин мой!

Рожденным людьми и диким зверем в горах,

псу, и свинье, и насекомому в поле —

всем ты даруешь то, что дано им по праву!

Изо дня в день...

...Приветствую тебя, солнечный бог небес!

Ты видишь сердца всех людей,

но никому не дано видеть сердце твое.

Если кто преступлением себя запятнал,

ты стоял над ним, солнечный бог небес!

Я хожу правой стезей, и ты видел того,

кто мне зло причинил, о солнечный бог небес!...»

(Стихи неизвестного хеттского поэта; II тыс. до н.э.)

Вступление

Жрецу великого храма Асмения, что стоял в троянском порту и был виден моряками задолго до того, как их корабли входили в гавань, этой ночью привиделся дивный сон напоминавший видение. Он видел ветвь явора, низко склонившуюся над ним под тяжестью листьев. И росла она так быстро, как быстро всходит по утрам солнце, а по вечерам закатывается за горизонт. Под весом множества листьев ветвь клонилась, всё ниже и ниже, и казалось, что она вот-вот должна упасть и раздавить собой Лаокоона. А сам Лаокоон лежал в её тени обесиленный, словно больной и немощный. И не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Ветвь же набирала вес и силу, заслоняла собой звёздное небо.

Изнемогая, Лаокоон начал читать тексты священных гимнов, но страх охватывал душу и он забывал их слова, терялся, словно храмовый мальчик перед учителем, когда тот упрекал его в незнании азбуки... А ветвь росла и росла... Внезапно, как бы из ниоткуда, на небосводе ярко сверкнула звезда. Она становилась всё больше и больше, и Лаокоон понял, что эта звезда летит к земле... И звезда приближалась ближе, ближе и ближе, оставляя позади себя светящийся след, не огненный, а серебристый...

Наконец, звезда упала неподалёку Лаокоона. Точнее, не упала, а медленно, будто бы осторожно, опустилась на Землю... Вспыхнула серебристым лунным светом и... погасла...

Лаокоон повернул голову, привстал глянув туда, где упала звезда. И удивился. Прямо рядом с ним земля разверзлась. На небольшом холмике из чёрной земли лежал неземной красоты младенец, укутанный в блестящий плащ синева-чёрного цвета. Младенец не плакал, а глядел на Лаокоона, улыбаясь, почти смеясь старому жрецу в глаза. С головы младенца спал капюшон плаща и Лаокоон пришёл в ужас... Голову этого звёздного дитяти, словно венчали, совершенно седые волосы...

Лаокоон вскочил с ложа проснувшись от беспамятства. Видение до сих пор стояло перед глазами, а душа была переполнена вдохновения и страха. Он мог подробно описать каждый лист этой ветви. Казалось, он слышал их колыхания, их шелест, как будто они была тут, а не там, за границами царства сна...

Лаокоон бросился к старому Приаму...

Царь не спал. Он молча сидел на Золотом Троне в тёмном зале дворца. Сидел одиноко. Зал был пуст как никогда...

Молчаливым и безразличным взглядом Приам встретил Лаокоона, ничего не говоря и не спрашивая зачем жрец потревожил царский покой уже после полуночи.

Лаокоон приблизился и почтительно склонился перед Приамом. Не став дожидаться царского повеления говорить или молчать, жрец поднялся во весь рост и приветственно поднял правую руку...

– О потомок Божественного Лабарны, – произнёс, как всегда величественно, Лаокоон, – о царь царей Приам, сын Лаомедонта, да продлит Господь твои дни и сделает твоё царствование счастливым, а твоих людей радостными под сиянием твоей вечной мудрости. Я явился на твои ясные очи, дабы поведать о дивном видении, виденном сегодня ночью.

– Но ночь ещё не ушла по ту сторону междумирья, – безразлично произнёс Приам, – а ты спешишь разгласить её тайны пред её лицом.

– О повелитель! Едва проснувшись, я поспешил к тебе, ибо важна весть данная во тьме духами ночи. Я видел ветвь явора, древа, что растёт только в северных странах за морем, на берегах Рай-Реки, Древнего Потока пересечённого множеством порогов, откуда явились в эти земли наши пращурь. Она выросла из ниоткуда и росла быстро, набирала силу и мощь,

угрожая раздавить меня своей тяжестью. А я лежал под ней обессиленный. Но ветвь не падала, а только росла и росла. И вдруг, с небосвода упала яркая звезда, которая обернулась прекрасным младенцем неземной красоты. Волосы его были настолько седые, как будто бы сей ребёнок живёт уже не одну тысячу вёсен. Он смотрел на меня и смеялся мне в глаза, о царь!

Царь помолчал.

– Царевна Менрва рождает, – произнёс он тихо, наклонившись и глянув в глаза Лаокоону, – ещё вечером у неё начались схватки. Сейчас повитухи хлопочут, ибо она не может самостоятельно разродиться. Я боюсь, как бы Та, Имя Которой Забыто, не унесла в своё царство младенца отдав Мороку мать.

– Повелитель думает, что сие видение о новорожденном царевиче? – спросил Лаокоон.

– Повелитель не толкователь видений, – ответил Приам, – тебе виднее. Ведь ты предвещаешь будущее? Тебе боги открывают тайны мироздания? Я хочу увидеть внука, который станет таким мудрым, как виденный тобой младенец и превзойдёт славой и могуществом своего отца..., а народ хеттов при его власти обретёт такую мощь, как виденная тобой ветвь...

Вестовой вбежал с первыми лучами солнца.

– Повелитель! – крикнул он из дверей, – у наследника престола родился сын! Земля Хатти обрела благословение богов!

Приам встал, и поманив молча за собой Лаокоона, поспешил в покои царевны...

Повитухи по прежнему хлопотали, теперь вознося благодарственные молитвы Асменю, покровителю и защитнику детей. Одна из повитух омывала младенца водой, другая окуривала благовониями, приговаривая полушёпотом известные только ей одной заклинания, в которых желала малышу счастья, крепкой силы и радостных, долгих лет жизни. Повитуха кружилась вокруг младенца держа в руках пучки дымящихся хворостинок, то поднимая их над головой, то опуская низко к полу, из-за чего ей самой приходилось наклоняться, или приседать.

– Зайди солнце за гору, а все лиха за орехову кору, – шептала нараспев повитуха, – на синем море камень, на том камне дуб, на том дубе тридевять ветвей, на тех ветвях тридевять гнёзд, на тех гнёздах тридевять уток – от женочьего, от девочьего, от хлопечьего, от мужицкого – русский волос, чёрный волос, рудый волос, белый волос. Святые святители, идите ему на помощь; как стал так и перестал...

Повитуха повторяла вновь и вновь свои заклинания, а малыш, удивлённо, совершенно не понимая её, жмурился от лучей восходящего солнца...

Приам взял на руки крохотное тельце новорожденного малыша, укутанного в белоснежную простыню...

– Геркле будет счастлив такой новости, когда вернётся из похода, – прижал он внука к могучей груди, – перед твоим рождением, многомудрый Лаокоон видел дивное видение. Оно может означать только рождение могучего царя, который прославит нашу державу и превознесёт Трою над всеми городами мира.

– Мы решили назвать его Таг, – прошептала царевна, глядя на Приама, – мы решили с Геркле, когда он уходил в поход, что если родится сын, то будет носить это имя. Ведь этим именем зовут всех людей царской крови. А когда он вырастет и займёт престол своих предков, то само его имя будет говорить, что он Царь Царей.

– Значит, на свет появился Царь Царей? – улыбнулся малышу Приам, – ты Царь Царей? И удивительно похож на своего отца... Пока что тебя самого хранят дедушка и папа с мамой, да ещё Асмень, хранитель всех малышей, и бедных и богатых...

Таг ещё не понимал чего от него хотят и кто этот огромный старик, держащий его на руках и говорящий что-то странное и непонятное. Он только жмурился от света и беспомощно пытался оттолкнуться от назойливого деда, а дед продолжал смеяться и шутя играл с ним...

У Приама был не один сын. Старшим был Геркле, отец этого малыша. Геркле вырос в могучего богатыря, мечту всех троянских девиц, боготворимого и почитаемого воинами. Он командовал армиями державы хеттов от Моря Тысячи Островов до пустынь, раскинувшихся далеко на востоке, на границах с горной страной Урарту и пустынной Ассирией где живут коварные атураи. Оттуда откуда берут своё начало реки Тигр и Евфрат, текущие в страну халдеев. Он прошёл огнём и мечом от Урарту до Ура и вторгся в Миср (Египет), испепелил страну хананеев и покорил непокорную Финикию, где теперь стояла вторая Троя – Угарит.

О Геркле слагали песни, славили в гимнах и называли его именем детей. Это он, Геркле, посадил всех троянских воинов на коней и теперь троянское войско стало быстрым словно молния, за что враги прозвали его Погонщиком Коней. Ведь он встречал зарю под Милетом, обедал в Лукке, а спать ложился под Ниневией! Ведь он не возил с собой шатров, а ночевал посреди поля у костра, подложив под голову седло, и укрывался плащом. И трусливые враги обещали осыпать золотом любого, кто сразит в бою или предательски, обманом, троянского богатыря Гектора...

Вторым сыном Приама был Парис, рождённый той же матерью-фригийкой, при родах которого она и умерла. Поэтому он и носил фригийское имя в память о своей матери.

Единственное что роднило этих двух братьев, это была кровь. Парис был так же горд и красив, как и Геркле, даже отважен. Но он был слаб. В отличие от Геркле, Парис не особо вмешивался в военные дела. Они его интересовали меньше всего, хотя он старался никогда не пропускать военных игр своего брата. Но редко когда выходил победителем. Он засиживался за книгами и даже пытался писать их. Если Геркле туго давалась грамота, то Парис освоил её ещё в раннем детстве и стал настоящим мастером в чистописании.

В день когда родился Таг, Парис был ещё мал. Ему только исполнился пятнадцатый год. Но даже в столь юном возрасте, отец уже поручал этому мальчику вести переписку с иноземными правителями. Но без всякой воли и повеления отца, Парис самостоятельно, порой в тайне от всех, записывал всё что происходило вокруг, аккуратно и бережно пряча у себя в комнате целые кипы свитков...

После смерти жены Приам долго ходил убитый горем и печалью. Так, у него в жизни появилась ещё одна женщина, дворцовая пряха Гекуба из презренного хаттянского рода. Попросту – рабыня. Через год она родила Приаму ещё одного сына, Ганимеда. Мальчик был прекрасен словно златокудрый бог солнца Яяш. Но, прожив на свете три года, он умер сражённый неизвестной болезнью. Тогда Лаокоон сказал, что боги узрели красоту младенца и забрали Ганимеда к себе на священную гору, стоящую в северных землях прародины хеттов.

Через год после смерти Ганимеда, Гекуба родила Приаму ещё одного сына, Энея, во всём похожего на Париса. Этот ребёнок, рождённый от рабыни, не мог считаться престолонаследником не взирая на то, что он являлся родным братом Геркле и Париса, рос с ними вместе, и как и братья считался царевичем. Он оставался сыном рабыни. Что бы Эней мог заявить права на престол хотя бы после своих кровных братьев, Приам должен был объявить его мать свободной и законно жениться на ней. Но Приам не спешил этого делать, несмотря на то, что за полтора года до рождения Тага Гекуба родила ему ещё одного сына – Полидора... Через несколько минут после рождения Полидора, у Гекубы снова начались схватки и на свет появилась Поликсена, единственная дочка царя Приама...

Когда Менрва забеременела, Гекуба стала молчалива и хмура. Дело в том, что пока царевна была просто женой Геркле, хаттянка могла надеяться на то, что в один прекрасный день влюблённый Приам сам возведёт её на престол. И тогда наследником станет не Геркле, а Эней, как сын живой царицы. Но Менрва, дочка Этиона, царя Партахвины, стала матерью очень скоро после своего появления в дворце. И словно гром среди ясного неба у неё родился сын, которого так не хотела Гекуба. Сразу же после своего рождения Таг был объявлен престолонаследником после Геркле... Тридцать лучших витязей страны Хатти поклялись охра-

нять его отныне и до последнего вдоха... Сына Приам мог лишить прав на трон. Но внука не мог... Все надежды и планы Гекубы рухнули... Уже утром её не обнаружили во дворце. Не обнаружили и Полидора с Поликсеной. Напрасно Приам отсылал на поиски пропавшей Гекубы и своих детей отряд за отрядом. Воины возвращались ни с чем... Единственное, что смогли они выяснить, что перед восходом солнца некая хаттянка, чьё лицо скрывала чадра, покинула город. Что ехала она на колеснице, в которой так же видели двух маленьких детей: мальчика и девочку...

Гекуба исчезла. Радость рождения Тага была омрачена исчезновением Полидора и Поликсены. Но тем дороже стал Таг старому Приаму...

Глава 1

...19-е столетие; Османская Империя; Малая Азия; район холма Гиссарлык...

Солнце клонилось к закату, когда на дороге огибающей холм, что стоял неподалёку берега моря, около быстротечной речушки Мендере-Су, утомлённо брёл крестьянин, буквально волоча за собой осла запряжённого в огромную арбу. Осёл явно не хотел никуда идти, словно намекая всем своим видом хозяину: давай отдохнём, полежим под густой чинарой! А, хозяин?

Осёл был так же утомлён недавно спавшей жарой, как его хозяин торопился домой. Но, крестьянин был настойчив...

– Шевелись, шевелись шайтан, – то ли уговаривал, то ли ругал он осла, – что будет, если мы не успеем дотемна? Ты же не хочешь оказаться ужином диких собак?

В ответ, осёл томно глядел на своего хозяина.

– Вот и я не хочу! – восклицал крестьянин и они продолжали свой путь.

Внезапно осёл встал. Крестьянин и покрикивал на него, и умолял, и даже тащил. Всё без толку. Наконец он не выдержал.

– Я буду бить тебя! Молись паршивец на своём ослинном! Убью и заведу себе ишака! – вскричал крестьянин выдёргивая трость торчащую из земли...

Трость оказалась металлической. Крестьянин потёр её ладонями, заметив, что она вроде бы из жёлтого металла...

– Золото! – чуть не закричал он, став ещё сильнее тянуть на себя трость, – это золото! Клянусь Аллахом! Я богат! Я богат, милый ты мой ослик! Всю жизнь буду тебя лелеять, твоя спина никогда не узнает баула, а шея хомута! Сам поволоку эту проклятую арбу, окажись это только золотом!

Чем больше трость выходила из земли, тем она становилось длиннее и толще. Теперь было видно, что она золотая. Крестьянин выдернул её и начал отчищать от сухой глины. Она оказалась покрыта узором, какими то непонятными глазу буквами, рисунками, а её верхушку венчала дивная птица с распростёртыми в стороны крыльями.

– Это верно скипетр падишаха, – глянул крестьянин на осла, – упрячу-ка я его в баул, да подальше от лишних глаз.

Он развязал огромный мешок лежащий на арбе, и засунув туда жезл, завязал покрепче. Потом глянул по сторонам, не заметил ли кто его. Подойдя к ослу, крестьянин взял его за поводья и продолжил свой путь.

– Ты думаешь, что твой хозяин продаст этот скипетр кому попало? А об этом месте разболтает всем? Нет! Ошибаешься! Твой хозяин умный человек! Он даже жене своей ничего не скажет! Уж она точно растрезвонит на всю округу, аж до Золотого Рога, что каждая собака в Истамбуле будет только и гавкать: «Кямран-ага золото нашёл!» Кямран свезёт его в город, где знает такого человека, который заплатит ему хорошо! Он только старинные вещи покупает. И даже за глиняные черепки платит много, не то, что за этот скипетр. За него он заплатит ого как! – указал крестьянин пальцем в небо, – мы с тобой больше никогда не будем... баулы тягать...

...две недели спустя; это же место...

Находка крестьянина должна была перевернуть историческую науку. Холм Гиссарлык и река Мендере-Су должны были стать известными на весь мир. По крайней мере именно в этом был убеждён никому не известный искатель древностей. Слой за слоем холм исчезал,

но пока ничего, даже отдалённо напоминавшего руины, или хоть какие-то обломки древней цивилизации, не попадалось. Только песок да глина...

Среди этой глины и песка нашли много вещей достойных внимания. Но черепки посуды, кости и черепа людей, которых предостаточно можно было увидеть, едва копни эту землю, ещё не указывали на то, что именно этот холм является последней ступенью к заветной цели.

Искатель уже начал волноваться, думая что в очередной раз ошибся. Тот скипетр, который привёл его сюда, он и сейчас держал в руках. Это была единственная зацепка во всей этой истории. Но оказаться скипетр в этом холме мог как угодно. Искатель это понимал. Поэтому он, со скипетром в руках, словно царь над своими погибшими подданными, прохаживался вдоль парусов, разложенных по земле. На этих парусах белели человеческие кости. Много костей и черепов вырытых здесь. Искатель посмотрел на холм, что был усеян рабочим как муравейник муравьями... Холм сравнивался с землёй...

– Следы насильственной смерти, – взял он в руки детский череп и показал подошедшему сзади компаньону, студенту-англичанину, – видишь, Филлипс, бедняге явно проломили голову.

Филлипс взял череп, покружил его в руках и снова положил на парус.

– Это череп ребёнка из жилища, которое мы раскопали вчера у дальней горы, около реки. Там целая семья погибла. Скорее всего, рыбаки. Уж слишком много рыбацких снастей мы нашли там. Но что интересно, их кто-то похоронил, хотя вся семья была со следами насильственной смерти. Отец, мать и этот ребёнок.

– Постарайтесь, Филлипс, что бы эти дикари ничего не пропустили и не уничтожили. А тем более, что бы не украли. Знаете ли, турки народ дикий, тащат всё, что плохо лежит.

– Они не украдут, мистер Шлиман. Полиция оповещена и если хоть где-то всплывет, какая ни будь древняя вещица, они немедленно арестуют вора.

Филлипс поднял с паруса лежащую неподалёку кость. Он немного задумался, рассматривая её. Потом схватил другую... третью...

– Что с вами, Филлипс? – удивился Шлиман, – вы вспомнили, что вы учитесь на криминалиста?

– Ничего, мистер Шлиман, – ответил Филлипс, – странное какое-то убийство. Может быть это неизвестный нам ритуал?

– Какой ещё ритуал? – Шлиман рассмеялся, – с раскрытием преступления вы опоздали более чем на три тысячи лет! Может быть, вы захотите арестовать преступников? Так единственные свидетели, как и убийцы, уже давно сгнили в земле и напоминают такую же картину, как и эти жертвы!

Филлипс сунул кости Шлиману в руки.

– Смотрите! – показал он, – вот видите?

– Нет, – ответил Шлиман.

– Вот и вот, – ткнул пальцем Филлипс в кости, – это голени, детские голени. Что у них общего?

– Ну, я вижу, вообще то, – покрутил в руках кости Шлиман, – и что же ещё общего?

– Они пробиты гвоздями! На голенях у взрослых таких отверстий нет! Эти гвозди, что мы накопили тут, в массовом количестве, не случайность! Тут произошло истребление населения, мистер Шлиман! Это она!

– Кто, она? – не понял Шлиман, положив кости на место.

– Это Троя! Мы нашли её!

– Гм, – возразил Шлиман, – ну расправа над населением, ещё ни о чём не говорит...

Филлипс настаивал.

– Мистер Шлиман. На этом холме мы срыли римскую крепость. Но ничего не нашли. Ничего подобного! Греческое поместье. Кроме разбитых амфор ничего интересного не обнаружили! Ни одной косточки! А тут...

– Бросьте вы со своими догадками, – ответил ему Шлиман, – это могли сделать те же римляне, или крестоносцы, и даже османы... Пока что нет ни единого намёка хоть на что-то, что бы оно отличало местное население тех лет, от перечисленных мною народов. Пусть будет хоть что-то, из-за чего мы с вами можем с уверенностью сказать, что это Троя!

Шлиман махнул рукой, отходя от паруса с человеческими останками.

– Мистер Шлиман! – крикнул в след Филиппс.

– Что, Филиппс? – обернулся тот.

– А если окажется, что мы стоим в Трое?

– Я сам этого хочу, мистер криминалист...

Волнение Шлимана можно было понять. Он уже начал думать, что в очередной раз ошибся и выбросил кучу денег на то, что бы раскопать ещё один холм, под которым окажется заурядный древний могильник сомнительного происхождения. И появление этого могильника, как правило, объясняется «или» – «или». Так уже было, когда Шлиман вместе со своей экспедицией работал на Итаке. Там он искал дворец Одиссея. Но, вместо дворца легендарного царя он раскопал фундаменты фермы римской эпохи. Нашёл многое. Но это «многое» указывало только на пребывание на Итаке римлян. Подобным образом было и на Крите, когда вместо дворца Миноса он раскопал античный особняк под Ираклионом. Вот и сейчас прошла целая неделя. Работа не прекращалась даже ночью. Нищие турки таскали корзины с песком и глиной, бережно просеивали их, стараясь отыскать для хозяина хоть что-то, что достойно, или не достойно, внимания. Тем более, что этот хозяин хорошо платил, по местным меркам. А за каждую находку он обещал ещё и хорошую доплату. Поэтому, за каждый камушек, за каждый кусочек битого горшка, за каждую железку шла настоящая брань, едва не переходящая в драки...

...вскоре, из земли на свет вышли мечи и остатки кольчуг...

– Нашли! Нашли! – Шлимана разбудили среди ночи крики турок.

В палатку вбежал взбудораженный Филиппс.

– Мистер Шлиман! Мистер Шлиман, они нашли её! – закричал он.

– Что случилось? – в полусне спросил Шлиман.

– Они нашли Трою! – ещё сильнее закричал ему над ухом Филиппс.

Шлиман буквально выскочил из подобия кровати и быстрее Филиппса побежал к холму...

– Что тут? – налетел он на толпу турок и ответ моментально открылся ему сам. Турки только что-то лопотали по-своему, тыкая пальцами в сторону подножия холма. Там зиял, открывшийся в обвале, вход освещённый факелами.

– Земля осыпалась во внутрь, – подбежал Филиппс, – там пустота!

– Я вижу! Копайте дальше! – вскрикнул Шлиман, – любой ценой, но сегодня я должен попасть туда! Слышишь? Любой ценой!

Теперь работа закипела с новой силой. Турки, в предвкушении хорошего вознаграждения, выносили глину ещё бойчее и быстрее, словно это была не глина, а перинный пух. Час сменялся часом... Вход расширился и оказался довольно широкой дверью, выложенной красным кирпичом. За ним начинался туннель, длинный, тёмный, широкий, уходящий куда-то в глубь, вниз, под гору... Шлиман ступил в него первым, дергаясь, как-то жадно света перед собой керосиновой лампой... Из туннеля в лицо ударило запахом суши и пыли...

– Не ходите один, мистер Шлиман, – услышал Шлиман позади себя голос Филлипса, – я с вами...

Стены коридора были серыми, сухими, а воздух наполнялся запахом пыльных тряпок и копоты от дыма факелов. Туннель уходил вглубь, ровно вниз. Затем, слегка поднимался вверх и снова спускался ступеньками, как бы убегая к сердцу земли. Так он долго то поднимался, то спускался, словно это был не туннель, а чрево огромной, извивающейся змеи. Но всегда вёл только вперёд, без поворотов и развилок. Только вперёд и вперёд, пока, наконец, не упёрся в стену...

– Шайтаны! – вскрикнул турок, несущий следом инструмент, – там шайтаны!

Он, было, бросился наутёк, но Филлипс, схватил его за руку.

Второй турок просто упал на колени и распластался на полу, что-то бормоча.

– Там шайтаны! – крикнул турок, которого Филлипс держал за руку, указывая вперёд, где туннель упирался в кованую дверь.

Шлиман присмотрелся и сделав несколько шагов осветил тех, кто так напугал турок. Там, под покровом темноты, словно стражи у ворот, стояли две человеческие фигуры из цельного мрамора.

– Тут нет никаких шайтанов, – усмехнулся Шлиман, – это просто каменные изваяния.

Филиппс перевёл туркам слова Шлимана и те, успокоившись, последовали за своим хозяином.

Издали, статуи можно было принять за живых людей. Настолько точно они повторяли человеческое тело. Белый мрамор становился явным, только если посмотреть на статую с отдаления, хотя бы с двух шагов. А так, можно было подумать, что это действительно живые люди застыли под чарами древнего волшебника. Чем-то они напоминали римских богов. Но римскими не были. Не были и греческими. Хотя, древний мастер искусно передал и их рост, и возраст, и даже настроение можно было прочесть в их лицах.

Бородатый мужчина сжимал в правой руке три пучка молний обращённых вверх. Он был грозен и важен. На голове его была царская диадема, а глаза сурово смотрели на людей стоящих у двери. Он невольно приводил в дрожь. Левая рука его лежала на рукояти спрятанного в ножны короткого меча...

Вторая статуя, был мальчик-подросток держащий в руках гуся. Мальчик был совершенно обнажён и казалось, что он хочет сказать что-то важное этим непрошеным гостям. Его лицо было не такое как у мужчины с молниями. Скорее наоборот. Оно было доброе и даже наивное. Открытые глаза, лёгкая улыбка как бы приветствовали подошедших путников. Мальчик смотрел с любопытством и прямо в глаза нарушителям спокойствия царства теней...

Шлиман молча рассмотрел статуи и повернулся к Филлипсу, указав на огромный навесной замок на двери между статуями.

– Ваша работа, мистер криминалист...

В ход пошла обыкновенная отмычка... За дверью оказалась ещё одна комната...

...каменный стол посреди огромной комнаты с низким потолком. Высохший до праха деревянный стул рассыпался едва к нему прикоснулись... На столе костяная чернильница, лампадка, амфора, вероятно из под масла. А ещё костяное перо и огромная рака для хранения свитков... В углу комнаты, прикрытые сгнившей тканью, лежали человеческие кости... Тут умер хронист...

Шлиман медленно открыл крышку раки. Перед ним лежало два свитка... Свидетели тысячелетий, ждавшие своего часа, чтобы заговорить... Он закрыл ларец, бережно взял первую находку и позвал всех к выходу...

...месяц спустя; Италия; Неаполь...

Манускрипт был написан на пергаменте, финикийскими буквами, на ахейском диалекте греческого языка. Сохранился он хорошо то ли из-за отсутствия влаги, то ли потому, что его никто не тревожил все эти тысячелетия.

Шлиман тоже не трогал его. Он ожидал увидеть очередной текст Книги Мёртвых, которая лежала в могилу чуть ли не каждого знатного жреца и вельможи. Поэтому, лишь только по возвращению домой, он нехотя, наконец взялся за перевод древнего текста. Его больше интересовало, чью же могилу он потревожил в этом туннеле? Тут должно было быть сообщено имя умершего. Древние были бдительным народом и порой оставляли даже описание жизни своих современников...

Ахейский язык мало отличался от классического греческого. Шлиман начал переводить текст буквально сразу, не переписывая буквами современных греков... Его ждало радостное разочарование: это была не Книга Мёртвых...

...из Манускрипта...

«Привет Тебе, о потомок, который прочтёт сие писание написанное мною! Я Лаокоон, жрец великого Яяша, Господина Неба и Земли. Жрец Сына Его, Асменя, Хранителя детей и всего грядущего. Жрец Явы, Святого Духа Дарующего Жизнь Вечную.

Я родился в городе Геброн, в южных землях державы хеттов, некогда могущественной и славной державы народа русоголовых, границы которой простирались от Понта до страны Кеми, и от страны Асир до Моря Тысячи островов. На берегу Моря Тысячи Островов, там где впадает быстроводная Скамандра-Река в его воды, и стоял этот город, могучая и славная Троя, которую коварные данайцы звали именем Илион. Сей град, был градом неприступных стен, величественных дворцов и храмов, и сорока-сороков золотых куполов под небесами, на главах их.

Тут я написал о том как погиб наш славный народ, о его последних днях и о том, как славная Троя и все её города канули в бездну под натиском коварных данайцев и диких касков. Тех самых врагов, что ведомые базилевсом Агамемноном и братом его Менелаем, разорили нашу страну и предали огню и мечу её сады и виноградники, а жителей подвергли избиению и изгнанию. Тогда пала могучая и непобедимая Троя, купленная лестью архонта мирмидонов Ахилла и коварством хитроумного архонта Итаки Одиссея, прозванного Улисом, что означает на нашем языке – «коварный».

И я, верховный жрец всей страны русоголовых, после падения моей державы и гибели всех её царей, подверг себя добровольному заточению в сей темнице, под цитаделью династии потомков Божественного Лабарны. Мой верный слуга Вел, затворил навеки двери охраняемые принесёнными из храма истуканами, Яяшем и Асменем, от проникновения врагов и оставив мне немного еды, пергамент и письменные принадлежности, а так же масло для лампы, удалился, дабы пристать к войску последнего из рода Лабарны, доблестному и отважному царю Мастарне.

А я, стенаю оттого, что никогда больше не увижу отца нашего, солнце небесное, чувствуя, что силы покидают меня, начал сей труд. Господи, благослови!

Началось всё с того, что в ночь на седьмой день месяца многоликого Яяша, у царя Приама, правителя Трои и всей державы русоголовых, родился внук. Рождённый младенец был сыном его старшего сына Геркле и жены его Менрвы. Наречён мальчик был именем Таг, дабы, когда воссел бы он на Золотой Трон своих отцов и дедов, потомков Божественного Лабарны, звучало бы его имя как Царь Царей. Отец его, Геркле, посвятил мальчика духу Скамандры-Реки, одному из предков своего рода, царю Скамандру. Посему прозвали Тага

во дворце Скамандрий. А жители города именовали так, как называли его родители – Таг, а по-гречески – Астианакт – «царь».

Тридцать лучших витязей из самых благородных и самых достойных семей державы присягнули защищать и оберегать мальчика до последнего своего вздоха. Их имена мне неизвестны, но имя их начальника, Пайрон, которого враги прозвали Аполлоном, уже тогда гремело на всю страну как имя достойного воина, сравнимого только с Геркле.

Именно Таг сыграет ту роковую роль в истории всего нашего народа, и повернёт русло реки времени, определив судьбу всех потомков народа русоголовых – хеттов.

Подобно как и старший сын Приама, Геркле, и младшие его сыновья – Парис, сын царицы и Эней, сын рабыни Гекубы, по достижению девяти годов Таг был отдан на воспитание начальнику дворцовой стражи, старому и мудрому витязю Анхизу, что бы освоил Таг и письмо, и военное искусство, и верховую езду...»

...1260 год до н.э.; Малая Азия; Троя...

Таг не первый раз сидел на коне. Раньше отец уже брал его с собой на прогулки. Поначалу он ездил в седле отца, или дедушки, пока был совсем маленьким. А потом папа привёл ему настоящего жеребёнка, рыжего, со звёздочкой на лбу. Таг и прозвал его, Звёздочка. Сейчас Звёздочка уже вырос и стал взрослым конём. Да и Таг подрос... Старый Анхиз гонял их по кругу уздечку Звёздочки верёвкой, заставляя Тага править быстрее и быстрее.

Мальчик очень боялся. Так быстро ему ещё не доводилось ездить. Но всё-таки, страха он не выдавал. Негоже царевичам выставлять напоказ свои слабости. Тем более Анхиз именно этому его и учил.

Первый раз в своей жизни Таг управлял конём самостоятельно. Первый раз он сидел на коне, который буквально переходил в рысь... Потом в галоп... Потом снова замедлял шаг... Таг слушался Анхиза, а Звёздочка слушался Тага... Хотя мысли мальчика были далеко отсюда, – на качелях, которые висели в воротах на входе в сад дворца, – Таг старался показать насколько он прилежный ученик...

– Быстрее правь, подгони коня, – словно повелевал Анхиз.

– Но я уже не могу сидеть. Я упаду, – отвечал Таг.

– Не упадёшь. Крепче держись ногами, а руки ослабь, правь руками конём.

– Я правлю...

– Вот так, вот... – говорил Анхиз и снова погружался в молчание, словно улавливая каждое движение мальчика, готовый подхватить его в любое мгновение, едва ему довелось бы выпасть из седла...

Но Таг и не думал падать. Ему было даже интересно. Боязнь, чудным образом сочеталась с любопытством. Да и сам он знал, что Звёздочка его никогда бы не сбросил с себя.

Гораздо интереснее было стрелять из лука или биться на мечах! Тогда было чем похвастаться перед дедушкой, а то и появлялась лишняя причина подразнить Энея. Эней ничего не умел. Он только ходил и мечтал. А вот Тага Анхиз не уставал приводить в пример этому мечтателю...

Таг действительно стрелял лучше и был шустрее и проворнее. Эней и меча боялся, и рассеян был слишком. Анхиз его стыдил, говорил что негоже дядьке быть хуже племянника! Хотя Таг думал иначе. Какой там Эней дядя? Не такова уж была велика разница в возрасте! Эней был всего на пять лет старше Тага! Старший брат, это да. Но дядей он Энея не считал. Не считал и Париса, хотя Парис уже был взрослый. При чём в оправдание своих соображений Таг приводил кучу доводов. И Париса это веселило. Он только отшучивался и смеялся над тем, какой у него шустрый и сообразительный племянник. А вот Эней обижался...

– А кто ты ещё? Какой ты мне дядя? – смеялся Таг и затем, как правило, ему приходилось убегать. Эней пускался за ним вдогонку с обиженным видом. Тогда, Тагу становилось и вовсе весело! Какой бы дурак, за ним ещё побегал?

– Ты не уважаешь меня, потому что я сын хаттянки! – гнался за ним Эней.

– Ты брат моего отца! – отвечал Таг уже с дерева, на которое залезал, проворнее кошки, спасаясь от Энея.

– Значит и называй меня, как брата отца! – возмущался Эней, стоя под деревом. Залезть на него он не мог, потому что Таг, со знанием дела, выкрикивая какую-нибудь дразнилку, отстреливался огрызками яблок. Яблоки у Тага тут были спасением. Он обожал их в любом виде, кроме, разумеется, гнилых.

– Не буду, – целился надкусанным яблоком Таг, – ты всего на пять лет меня старше!

Далее следовало что-то вроде очередного «куть-куть-куть!» и огрызок летел прямо в лоб Энею.

Эней ругался. Таг хихикал и тянулся за следующим яблоком.

– Не на пять, а на шесть! – плакал Эней, обиженный, что его Таг зовёт как собачку и подобным отношением к себе, – на шесть!

– На пять с половиной, – уточнял Таг, грызя своё очередное «оружие».

– На пять с половиной! «Куть-куть-куть!» – прицеливался Таг.

– Ты опять, опять! – бил кулаком по дереву Эней.

– Пиу!!! – обманул Таг Энея, сделав вид, что швыряет в него яблоко.

Эней увернулся и стукнулся лбом об толстую ветку.

– А! Бог шельму метит! – рассмеялся Таг, подбрасывая в ладони недоеденное яблоко, – а яблочко то вот оно! Испугался, да?

Эней расплакался и побрёл прочь, потирая ушибленный лоб.

– А, дядя Эней плачет! Дядя Эней плачет! – рассмеялся Таг вслед и таки запустил огрызок.

– Не попал... – вздохнул Таг.

Огрызок пролетел мимо, но Эней, словно не заметил его.

Все эти дразнилки и подражания зверушкам и птичкам, почему то запали в душу мальчику. Почему, он и сам не знал. Но они раздражало тех, кому он всегда хотел досадить. Самое главное это было необычно. Ещё никто не додумался, например, кукарекать, или куковать, когда хочешь напугать или обмануть врага.

А Таг – додумался. Вот, тот же Эней, например. Его уже передёргивало от всех этих «кукареку!» или «ку-ку!» Он Понимал, что значит Таг выдумал какую-нибудь пакость и сейчас он в неё обязательно встрянет...

Таг слез с дерева, и дальше день ему показался неинтересным. Даже скучным. Эней, обидевшись, не хотел с ним играть. А друзей, собственно, больше и не было.

Вечером, за ужином, дедушка обязательно прочитает наравоучение о том, что Эней Тагу приходится дядей, что его нужно уважать.

– В нашей стране, уже давно нет рабов, все равны перед Богом, – обязательно говорил дедушка, – все народы одинаково почитаются друг другом. И не по крови судят о человеке, а по делам его.

Таг и сам знал это!

– Гм, да я не смеюсь над ним, – с серьёзным видом заявил он дедушке, – он просто скучный! И к тому же я не могу называть господином того, с кем играю! Представляю эту картину!

Таг скорчил гримасу и обернулся к Энею, благоговейно сложив руки.

– Не хотите ли построить домик из кубиков, господин Эней!

– Смешно, правда? – обернулся он к дедушке, – и вообще, пусть не загоняет меня на дерево!

– А ты яблоками не швыряйся! – вскрикнул Эней.

– А ты не смей требовать, что бы я перед тобой пресмыкался, как перед господином! – ответил ещё громче Таг.

– А ты не трогай мои игрушки!

– А ты на качелях моих не катайся!

– А ты... ты вообще ещё мал, чтобы старшим грубить!

– А ты мне не указывай, а то я тебя побью!

– Вот ещё! Мышка кошке угрожает!

Таг не сдавался.

– Сам ты мышка! Ты... ты... ты горшок пустой, вот ты кто!

– А ты...

– Ну хватит! – стукнул кулаком по столу Парис, которому надоел шум и гам.

Дети мгновенно замолчали и устались на дедушку.

Приам вздохнул и покачал головой.

– Нехорошо ругаться тем, кто растёт в одной семье. Тому роду нет перевода, где братья друг за друга горой...

Таг чуть не закричал от отчаяния. Дедушкины нравоучения грозили перерасти в длительный рассказ. И Таг даже знал, какой рассказ должен был сейчас произнести монотонным голосом дедушка. О прутьях и венике! Таг знал его наизусть! Он готов был броситься в ноги дедушке, только бы он замолчал! Но Приам, вместо того, что бы доставать этих двух задиристых мальчишек притчами, посмотрел на Париса и спокойно перевёл разговор на другое.

– Скоро из похода прибывает Геркле. Вестовой принёс весть о том, что наши армии разгромили данайцев возле Золотого Рога и изгнали их с нашей страны во Фракию. Я хотел бы, что бы ты с братом отправился в Аргос и заключил мир от моего имени.

– Но мир может заключить только царь! – ответил Парис, – это не во власти царевичей.

– Я стар для длительных путешествий, – откинулся на спинку стула Приам, – чувствую, что силы покидают меня. Ты мудр. Грамотен. Там где надо – коварен. Ты в курсе всех дел нашей державы и знаешь то, что не знаю даже я. Тебя труднее будет обдурить коварным архонтам.

Парис отставил кубок с вином.

– Станут ли меня слушать Агамемнон и Менелай? Я в их глазах юнец!

– Данайцами, из племени мирмидонов, которые пересекли Ильмару и высадились на Золотом Роге, руководил твой ровесник, Патрокл. Его голову Геркле везёт в Трою.

Приам помолчал.

– Данайцы слушают силу и решительность. Авторитеты для них это мудрость и хитрость. Глянут они на меня и подумают, что Троя ведома старым и больным царём. Глянут на вас, и поймут кто троянские вожди. Если вы им покажите свою уверенность, то завтра, данайские воины станут вашими верными псами...

– Эти пожиратели брюквы никогда не держат своих слов!

– Не говори так, Парис! – простонал Приам, и даже Таг отбросив ложку перепугано глянул на дедушку, словно эти слова были обращены к нему.

– Не говори так, – повторил старый царь, – эти, как ты говоришь, пожиратели брюквы, есть грозные враги. И не надо их недооценивать. Я не хотел бы своим детям и внукам оставлять в наследство нерешённую проблему. Лучший бой это тот, которого не было. Не забывай этого.

На этих словах Таг посмотрел в потолок и, отодвинув блюдо, встал.

– Я не хочу есть, дедушка.

– Таг, тебе надо расти и набираться силы, – ответил внуку Приам, – а ты пренебрегаешь едой!

– После еды живот растягивается, словно барабан и мешает бегать. Я с трудом залажу на Звёздочку.

– Прекращай вредничать! – вмешался Парис, – если отобедал то сиди молча и жди, когда все воздадут хвалу богам за посланную трапезу!

– А ты вообще отстань! Я не голоден! И чего ради, я должен ждать всех, когда мне хочется уйти?

– Прекрати грубить, – сказал Приам, – сколько голодных детей вокруг, которые мечтают, хоть что ни будь покушать? А ты смеешь перебирать едой на царском столе и не хочешь попросить о том, что бы Асмень им тоже даровал пищу?..

Таг схватил стоящее посреди стола блюдо, на котором ещё дымилось жареное мясо и направился к выходу.

– Ты куда!? – вскочил Парис, увидев ошалевшие глаза отца.

– В город, искать голодного мальчика, такого же, как и я, – торжественно ответил Таг, – я отдам ему мясо и он не будет голодным! И вообще, когда я стану царём, я буду собирать всех детей, которым нечего кушать, и они будут кушать вместе со мной!

Таг толкнул ногой лёгкую дверь и, выйдя, так же ногой, её закрыл. Дверь гроыхнула словно по ней ударили молотком.

Приама разразил смех.

– Налей мне ещё вина, сын! Не могу я больше это спокойно терпеть! Он смешон и наивен, словно храмовый мальчик!

– Прости отец, – подал ему бокал Парис, – но мне кажется, что он просто нахал и его поведение с каждым днём становится всё возмутительнее и возмутительнее. Его отец постоянно в походах и видит его не чаще, чем раз в году, и то между отдыхом и сборами. Менрва в нём не чаёт души и не хочет замечать дурных вещей в его поступках. Если мы не возьмёмся за его воспитание уже сейчас, то, что из него вырастет через десять лет? Ведь он уже в свои девять живёт только своим «хочу»!

– Я поговорю об этом с Геркле, – махнул рукой Приам, – я знаю, что мы его слишком баловали и холили... Это моя вина. Я очень страдал по малышу Ганимеду, а после исчезновения Полидора и Поликсены, кажется, совсем сошёл с ума и выполняю все прихоти этого непоседы...

– Не будь наивным, отец, – перебил его Парис не дослушав, – он не непоседа и не избалован. Он умён и хитёр! Неужели это не заметно уже сейчас? Он чувствует всё во сто крат сильнее нежели мы, и понимает, что ему всё позволительно! Вчера он нагрубил, матери так, что она плакала из-за него... Почему она молчит? Над Энеем он просто издевается! Он восстаёт против всех сложившихся порядков во дворце и плевать хотел на мнение других! Ему ничего нельзя ни сказать, ни приказать. Он всё сделает в точности до наоборот!

– Так ли? – глянул Приам на Энея.

– Он вчера измазал мне ручку сажей для письма и стрелял в моё окно вишнёвыми косточками из рогатки, – пробурчал Эней.

– Из рогатки? – усмехнулся Приам, – вот сорванец! А где же он её взял?

Эней потупил взгляд и отвернулся.

– Понятно, – сказал Приам, – значит, он стащил её у тебя? Да-а... Нынешняя молодёжь, Парис, совсем разбаловалась. В моё детство, я бы никогда не выстрелил из рогатки к Энею в покой! Во дворце, кто-то бы просто не досчитался глаза...

Приам встал и, кряхтя, направился к выходу.

– Парис, – подозвал он сына, – поди-ка сюда.

Парис встал из-за стола и подошёл к отцу.

– Направь в город Анхиза, – сказал Приам, – и парочку воинов из охраны нашего сорванца. Не дай бог с ним что-то случится...

Потолкавшись по базару Таг, наконец, нашёл того, кого искал. Чернявый смуглый мальчишка громко просил милостыню перед лавкой сапожника.

– На, – сунул ему Таг золотое блюдо, – но что бы съел!

Паренёк удивлённо посмотрел на Тага, потом на блюдо, испуганно кивнул и бросился наутёк, унося с собой и блюдо, и мясо на нём.

– Эй! Ты куда!? – обиделся Таг, – я с тобой!

Он, было, рванул за мальчишкой, но чья то сильная рука сжала ему плечо. Таг вскрикнул, поднял голову решив обязательно выразить всё негодование, но все слова застряли у него в горле. Над ним стоял Анхиз...

...слова нравоучения, дедушка говорил на сей раз сурово и строго. Таг только отворачивался, насупившись и с обиженным видом поглядывая то на дедушку, то по сторонам.

– Да не жалко мне этого блюда, – говорил Приам, – я ещё десять могу этому мальчику подарить, таких же точно. Ты мне лучше скажи, зачем ты стрелял Энею в окно вишнёвыми косточками? А если бы ты ему в глаз попал? Остался бы Эней без глаза. Ты же не хочешь, что бы Эней был одноглазым и убогим?

– Нет, – пролепетал Таг.

– А сажай, зачем ему дверную ручку измазал? А огрызками яблок, зачем швыряешься? Ведь люди убирают потом после тебя! Совсем не уважаешь чужой труд, малыш!

– Я не люблю Энея, – ответил Таг, на сей раз решительно, – он нудный, он нехороший!

– Почему?

– Он молчит, молчит, а сам зыркает на меня с ненавистью.

– Но это не говорит о том, что он нехороший. Молчащий, ещё не значит замышляющий зло, – сказал с укором Приам, – бояться надо тех кто льстит в речах и ласков в общении, глупый мальчик. Когда мягко стелют, обычно жёстко бывает спать.

– Я знаю, – рассердился Таг и топнул ногой, – знаю! Но мне он, почему-то, не нравится!

– Ух, ты, какой грозный ты растёшь! – всплеснул руками Приам, – но всё равно, молю тебя, не шали так больше.

– Тогда я совсем уйду!

– Я-т тебе уйду! Не смей даже помышлять об этом! – вскричал Приам и тяжело вздохнув, погладил внука по чернявой голове.

– Ну пойми ты, сорванец, тебя же тут все любят и жалеют, всё тебе прощают и с пониманием относятся ко всем твоим шалостям. А ты? «Уйду!» И куда же ты пойдёшь? Ты же с голоду умрёшь в степи, или станешь в каком ни будь городишке базарным мальчишкой, будешь попрошайничать и побираться по чужим людям.

– Нет! – крикнул Таг, – я попрошу Асменя, и он прилетит и заберёт меня в свою волшебную страну, спрятанную среди звёзд и туманов!

– В волшебную страну? – рассмеялся Приам.

– Да!

– Смертным нет туда пути, глупый, – спокойным голосом сказал Приам, – и никто тебя не пустит на чудесный остров, стоящий посреди туманов.

– Пустят, пустят! Ведь ты сам говорил, что Асмень летает над миром на большом летающем корабле и забирает к себе потерявшихся и несчастных детей? А потом они становятся его воинами! Говорил же? Вот и я стану его воином!

– Ты не несчастный ребёнок. И уж тем более не потерявшийся, – окончательно расстроил настойчивого внука Приам, – Асменя нельзя обмануть. Он видит тех детей, которые обманы-

вают и вредничают, как ты сейчас. И забирает только тех, кто чист сердцем, добр и не сбежал из дома, а потерялся. Остальным хорошим детям он приносит подарки к новолетию. А плохих наказывает.

– Как мне доказать, что я не плохой? – заплакал тут Таг, – я ведь не украл это блюдо с мясом!

– Иди уже, благодетель наш, – махнул рукой Приам, – ты правильно поступил, накормив голодного и одарив страждущего. У тебя благородное сердце, внук. Иди...

Таг вышел во двор и присел на любимых качелях. Немного покачался. Но всё время был хмур и задумчив. Он долго думал и молчал не находя вариантов, как лучше отомстить доносчику и ябеде. Наконец, не найдя ничего подходящего, он прямо на ходу спрыгнул с качелей и направился во дворец. Таг твёрдо решил лечь спать, ночью придумать какую ни будь гадость и рано утром обязательно напакостить Энею!

Проходя мимо его окна, мальчик вдруг остановился и посмотрел вокруг. Под деревом стояла корзина, полная сгнивших яблок. Таг обрадовался. Теперь до утра ждать было не нужно! Он взял два самых гнилых яблока и размахнувшись швырнул одно из них в окно, крикнув для смелости своё «Лови!».

– Таг! – услышал он из окна крик Энея, – фу! Оно гнилое!!

– Лови! – снова громко крикнул Таг и швырнул второе яблоко, – получи, ябеда-корябеда!

Яблоко шлёпнулось обо что то, что было мягче стены но твёрже кровати. Явно не об пол. И судя по тому, что по ту сторону окна Эней захныкал и заныл, Таг понял, что попал прямо в цель...

– Есть! – обрадовался Таг и в приподнятом настроении направился отдыхать, громко распевая весёлую дразнилку, так чтобы Энею было слышно...

– Я на дереве сию,

В руках яблочко держу!

Запущу кому-то в лоб,

Чтоб не ябедничал, чтоб!

Глава 2

...1260 год до нашей эры; Малая Азия; полуостров Золотой Рог...

Поздней ночью, когда звёзды кажутся ближе всего к земле, а луна сияет серебром и лица встречающих людей хорошо различимы, на той стороне Ильмары заметили движение множества огней. Огни спускались с пологих отрогов гор и наполняли побережье светом, шумом, гомоном, чужеземными голосами. Это было могучее движение. Огней было множество, как и тех кто нёс факела.

За всем этим движением, за всеми криками, наблюдали молча. Вначале наблюдали только часовые на сторожевой башне крепости, что стояла на холме посреди небольшого городка у самой Ильмары. Затем, от тревожного шума с того берега, начали просыпаться собаки. Они подняли ужасный лай и словно чувствуя опасность стали рваться с цепей, скулить и кричать. За ними пробудился весь городок и вся округа...

Едва с противоположного берега отделились островки света, едва они начали двигаться по воде в сторону Золотого Рога, как на сторожевой башне ударил набат...

– Данайцы идут! Данайцы идут! – закричал страж.

Набат набат раздался громким эхом и уносился дальше в горы. Ему ответили колокола с других посёлков...

Побережье проснулось и наполнилось тревогой и влнением. Люди выскакивали из домов, и заведя издали движение галер в свете факелов, бежали кто куда.

– В горы уходите! Уходите в горы! – кричали стражники, – бросайте всё! Это вторжение!

Но данайские галеры уже причалили к пологому берегу Азии, а одетые в шкуры рыбебородые воины, держа в левой руке факела, а в правой мечи, набросились на захваченный врасплох не укрепленный городишко...

...городок запылал, закричал голосами всех его жителей, вознёсся пламенем и чёрным дымом к небу и к утру угас. А данайцы всё прибывали и прибывали. Их было множество. Море. На галерах, на лодках, на челнах и плотах, в плавь, цепляясь за края тех же плотов... Переправлялись кто как мог и сразу бросались в бой. Данайский флот перегородил Ильмару и казалось, что он растянулся от Понта до самого Ильмена...

Данайцы обступили крепость и встали лагерем на горящих руинах...

...видел Тин этот лагерь с высокого холма, огромного словно голова быка, один рог которой был такой же огромный каменный хребет, а второй сверкал водами в заливе Ильмары. Залив окружал крепость и людей. А ещё, он мешал данайцам взять крепость сразу, приступом. Поэтому и назывался этот залив – Золотой Рог. И именно он дал название городку...

Почему именно «Золотой Рог» Тин этого не знал. Не знал этого никто. Ни отец, ни дед, ни прадед... Тин знал только то, что видел и не больше ни меньше...

А что он видел и понимал? Что мог понимать одиннадцатилетний, суровый и не смешливый мальчишка, который проснулся ночью от криков, увидел пожары, а сквозь вой и треск едва расслышал крик отца: «Беги Тин! Беги!» И он побежал.

Он видел, что в одной руке отец держал меч, а в другой копье... Отец, с криком бросился на данайцев, что бы отвлечь их от сынишки и... больше мальчик его не видел.

Тин знал, что это отец ему не родной, совсем не родной и вообще, его, Тина, так и прозывали – Подкидыш, Приёмыш, Найдёмыш... Но сейчас мальчик хотел плакать за ним как за самым родным, потому что почувствовал себя одиноким и больше никому не нужным.

«Имеешь – не ценишь. Потеряешь – плачешь...», – вспомнилось Тину. Ещё вчера он стыдился отца, рыбака и охотника. А сейчас ему захотелось, что бы всё это был только кошмарный сон...

Данайцы сжигали трупы. Смрадный запах, и едкий вонючий дым наполнили пригорье. А вокруг погребального святотатства, вокруг огня в котором сгорали убитые данайцами люди, плясали в буйном танце опьянённые кровью воины. Пьяные, рыжие, страшные. Ещё более страшным показался Тину их шаман в уродливой маске, с бубном, ревущий страшным голосом какие то заклинания...

Над костром вознеслись столбы с перекладами сверху. Мальчик присмотрелся, не поняв вначале, что это за кресты. Внезапно ему стало жутко и захотелось скорее убежать, спрятаться, только бы быть подальше от этого места... На крестах он увидел распятых детей, просто прибитых гвоздями к перекладам по рукам и ногам. Эти дети, скорее всего не успели убежать, как Тин. Они были ещё живы, бились и кричали от боли, умирали на глазах у Тина... А шаман ревел, резал их тела огромным ножом и обмазывал воинов и себя самого кровью распятых. Тину показалось, что это его собственная кровь и мальчик пришёл в ярость, а его сердце охватили страх и ужас...

– «Жертвоприношение их нечестивой богине Гее...», – понял Тин, почувствовав себя трусом. Он подумал, что должен был быть там, с остальными несчастными. Тем более, что этих крестов становилось всё больше и больше...

Тину бы данайцы выделили один из них... Шаман скакал вокруг крестов, кружился и громко ревел что-то непонятное...

Тин находился совсем рядом. Спрятался под деревьями. Ему казалось, что пламя костра обжигает лицо. Он не плакал. Только потирал лицо ладонями, как это делал всегда, когда хотелось плакать. Потом упал на локти и думал... Думал... Мысли лезли в голову разные. Хотелось закричать. Хотелось броситься на данайцев. Но мальчик крепился.

Внезапно Тин словно проснулся. Он начал осторожно ползти назад, оглядываясь, что бы видеть дорогу, почти не сводя глаз с дикого танца эллинов... Наконец встал. Почти вскочил. Постоял. Глянул в последний раз на погибший город и побежал. Побежал вниз, за холм, туда, откуда не было видно ни врага, ни моря, ни костра, ни крестов... Ничего оттуда не было видно. Только лес да горы, серые, молчаливые камни среди стоящих по отрогам деревьев...

Так он шёл и шёл. Долго шёл. Садился под какое ни будь дерево, отдыхал и снова продолжал путь. Куда? Он и сам не знал. Подальше. Подальше, где нет этих ужасов...

Наконец, когда уже совсем стемнело, когда в небе загорелись звёзды, а голод окончательно обуял тело, когда голова начала ходить ходуном от усталости, а ноги налились свинцом, Тин услышал впереди чьи то голоса. Он бросился в придорожные кусты и прислушался. Голоса приближались. Им вторил тихий стук копыт... Тин ожидал ночных всадников молча, замерев от страха и волнения. Вначале он подумал, что это едут ужасные Всадники Ночи, семь бед, сем кошмаров и несчастий, живые мертвецы – кощеи, древние цари Магана. Сейчас они увидят Тина, остановятся и поразив своей злой волшебной силой украдут его душу... Но голоса и стук копыт приближались и Тин уже слышал явно человеческие голоса. Они и близко не были похожи на голоса мертвецов. Он набрался смелости и выглянул из укрытия. Минута. Вторая. Ближе и ближе подъезжали всадники. Наконец, перед глазами мальчика блеснули серебристые шеломы троянцев...

«Витязи... Наши...», – выскочил из своего укрытия Тин.

– Дяденьки! Постойте! Подождите! – закричал он что есть силы схватив за поводья коня ближайшего к нему витязя и остановил своим криком целый отряд, – подождите..., – заплакал мальчик, – там данайцы! На Золотом Роге данайцы... целое войско...

...Геркле сидел у костра и недоверчиво слушал рассказ мальчика, который жадно уплетал поджаренное на вертеле мясо и казался ополоумевшим. Безумными казались и его слова, и рассказ и глаза, которые сверкали страшными огоньками и пугали даже видавшего виды богатыря. Страшно было то, что этот мальчик готов был съесть даже шампур. Настолько он

был голоден... Могучий воин поглядывал исподлобья, стараясь выдерживать паузы и задавал короткие вопросы. Мальчик отвечал на них так же коротко и продолжал свой рассказ о виденной бойне. Геркле же, говорил размеренно, монотонно, как бы усыпляя мальчишку. Но Тин не засыпал. Он напротив, вздрагивал и просыпался, и говорил не только словами, но и руками, глазами, не находя слов которыми можно было выразить свои чувства. Геркле замолкал, кивал головой, снова спрашивал... Только изредка, как бы отвлекаясь, обращал свой взор на другого воина сидящего тут же, у костра.

– Арей, дай мальчику ещё поесть.

Тин получал ещё порцию мяса, на сей раз с горячей лепёшкой и не дожидаясь вопросов опять рассказывал... Подчас повторяясь... Но думал, что чем больше расскажет, тем больше ему поверит этот богатырь...

– У меня нет воинов, – наконец сказал Геркле и мальчик замолчал, – мы здорово потрёпаны в бою и не сможем отомстить сполна за твой городок. Я не думаю, что данайцы пойдут дальше.

– Нет! – вскричал Тин, – их много! Их очень много! Их целая армия! Они заполонили берег огнями...

– Я сочувствую искренне твоему горю, – ответил Геркле, – но лучше остынь, что бы твоя месть была холодной. Всему своё время и час расплаты когда ни будь, да приходит. Я думаю, что тебе лучше остаться с нами, отдохнуть. А утром выступим в Трою. На неё не осмелятся напасть данайские разбойники.

– Нет, – сказал расстроено Тин, – вы хотя бы выслали разведку...

– Она уже вернулась, малый. Она обыскала все горы и никого не нашла. Ни одной живой души...

– Никого не осталось даже из наших людей? – посмотрел на Геркле Тин.

Геркле покружил головой и отвёл взгляд.

– Это была месть, – сказал он, – в недавнем бою мы убили их вождя, Патрокла. Племя мирмидонов в ответ вырезало Золотой Рог. Благодарю богов о своём спасении и я думаю...

– Но ещё не поздно перейти Ильмару и настигнуть мирмидонов, – заговорил мальчик, – ещё не поздно...

– Нет, – снова покружил головой Геркле, – оставь это нам. Всему своё время.

– Вы не будете мстить за городок?

Геркле растерялся, не зная, что ответить мальчику. Тин смотрел ему прямо в глаза.

– Там чужая земля, – ответил Геркле.

Тин отвернулся и чуть не заплакал.

– Но там живут наши братья, которые воюют с данайцами! – он поднял лицо готовый броситься в бой. У меня больше нет дома. У меня никого больше нет, а вы мне говорите оставить месть вам..? – проговорил Тин, – куда мне идти? Что мне делать?

– Идем с нами, – сказал спокойно Геркле, – в Трое ты обретёшь новую семью и новый дом.

– Нет, – сказал Тин, – я не найду покоя пока не убью всех данайцев, которых мне отдадут боги. На меня смотрят глаза моих друзей, которых распяли и убили на крестах. Голос отца звучит в моих ушах... Я буду воевать... Дайте мне малое. Я не прошу ни коня, ни золота. Дайте мне лук и стрелы...

– Ты умеешь стрелять?

– Я лучший стрелок во всей округе!

Геркле усмехнулся и взяв свой лук протянул его мальчику.

– Держи, если сможешь поднять.

Мальчик принял лук и встав, подцепил его через плечо.

– А стрелы? – спросил он.

Геркле отдал Тину свой колчан полный стрел.

- Жаль, что ты не хочешь уйти с нами в Трою. Из тебя бы получился отличный воин!
- Я горец, – ответил Тин, – городские стены вредны для горца...

Солнце поднималось над горами и освещало отроги. Геркле проводил мальчика взглядом, не вставая с места, кутаясь в красный плащ. «Надо бы отдать ему плащ. Ведь замёрзнет же ночью?», – подумал он и подозвал Арея.

- Догони. Отдай ему мой плащ и немного хлеба с мясом.
- А может завернуть обратно и увезти в Трою? Ребёнок, кажется, ополоумел!
- Нет, – ответил Геркле, – он не ополоумел. Это гонор. Он знает, что делает. Такое ощущение, что я знаю его всю свою жизнь... Где-то я уже видел эти глаза и это удивительное упрямство...

...из манускрипта...

«Первый раз данайцы вторглись в нашу землю с северо-запада, преодолев Ильмару-Реку. Но троянские воины, ведомые могучим Геркле разгромили их и сбросили в воду Моря Ильменя. И данайцы трусливо бежали от наших стрел и мечей. В бою этом, могучий Геркле поразил мечом вождя мирмидонов Патрокла и многих его воинов, и сотников, и тысяченачальников. Ликовала вся страна, и каждый возносил славу царевичу Геркле, победителю данайцев!

Данайцы совсем не имели коней. Их воины шли в бой пешком, высаживаясь со своих быстрых челнов. А наши воины ходили верхом.

У Моря Ильменя Геркле настиг данайцев врасплох, внезапно наскочил на них окружив с двух сторон. Издали мирмидоны приняли троянское войско за табуны кентавров и бежали. После сей победы, они прозвали Геркле – «табунщик», что на их языке звучит – «гектор». И запомнили его враги под этим именем.

Удручённые и оскорблённые смертью Патрокла, мирмидоны подняли на щит его младшего брата Ахилла. Под покровом ночи Ахилл пересёк Ильмару-Реку на сотнях галер и плотов, и лодок, и на огромных данайских щитах и сжёг городок и крепость Золотой Рог, который они, данайцы, называли Галата. Жителей его он вырезал, а оставшиеся в живых бежали в горы, откуда ушли на берега Понта. Разорив Золотой Рог Ахилл ушёл обратно во Фракию, где стоял своим станом, не став дожидаться подхода войска Геркле.

Геркле обыскал всё побережье, и не найдя мирмидонов возвратился в Трою. Когда он приближался к Трое жители всех окрестных поселений приветствовали его устилая дорогу вербовыми ветвями и кричали: «Слава Геркле победителю данайцев! Слава Погонщику Коней!» А жители стольного града Троя высыпали из Золотых Врат, ликую и восторгаясь славе и победам непобедимых воинов державы русоголовых. После величественного триумфа и благодарения богов за дарованную победу, царевичи Геркле и Парис отправились в Аргос, столицу данайцев, дабы заключить мир с их базилевсом и множеством архонтов. И сей мир, должен был утвердиться на долгие годы между нашими народами...»

Таг провожал отца в далёкое плавание. Собственно для него это не было чем то необычным, встречать отца с походов и провожать в походы. Как и всегда, Таг был участником многолюдной процессии, в которой принимал участие чуть ли не весь город. Тут были все. Только Парис теперь уезжал вместе с отцом Тага. Так захотел дедушка. Это слегка огорчало Тага. А означало такое расставание только одно: Тагу предстояло остаться вместе со скучным и не понимающим его шуток и баловства Энеем, к тому же ябедой и жалобщиком.

Народ толпился у пристани, ликовал, махал руками, что-то кричал. Мальчик, порой не слышал сам себя. «Зачем кричать, когда сам себя не слышишь?», – подумал он и решил, что лучше просто молча постоять, сделать важный вид и тогда его все зауважают. По крайней мере дедушка стоял молча. И Анхиз стоял молча. И Пайрон. И воины из охраны. И даже Эней.

Только Таг размахивал руками, свистел и прыгал от радости. Но посмотрев на дедушку он решил так больше не делать.

Толпа бесилась. Кричали и махали руками вслед уходящему кораблю кто угодно, совсем чужие люди. Если бы можно было собрать тут, на пристани, семьи всех уходящих сейчас в море, родственников всех троянских матросов, а этих беснующихся от непонятной радости разогнать по домам, то кучка людей оказалась бы совсем малюсенькой. От этих мыслей Таг расстроился. А ещё больше расстроился, когда увидел ради чего собрались люди. Оказалось, что вовсе не любовь к царевичам пригнала их сюда. И не почитание дедушки. Мальчик чуть не выпал из колесницы от людского рёва, когда два воина начали разбрасывать из мешка золотые червонцы. Они швыряли золото прямо в толпу.

Что тут началось! И визги, и шум, и давка. Люди сбивали друг друга с ног, дрались за каждую монетку, словно голодные собаки на базаре дерутся за кость брошенную случайным прохожим. Таг зажмурил глаза и закрыл от ужаса лицо ладошками. Это увидел дедушка. Он что-то сказал воинам, и развернув колесницу погнал коней вдоль моря, в сторону возвышающегося вдали храма...

Воины последовали за царём...

Процессия проехала портом, оставляя толпу позади. А шум толпы продолжал доноситься следом и обгоняя царскую колесницу. растворялся в воздухе... Но чем дальше отъезжали, тем он становился глуше и тише. И вдруг – ничего. Только дедушка, кони, да молчаливый Эней. А ещё чайки над головой и витязи по бокам. Таг продолжал смотреть вслед уходящему кораблю, который становился всё меньше и меньше. Потом превратился в маленький белый парус и скоро совсем исчез из виду. Осталась только синяя волнующаяся гладь, над которой кружили бакланы, выхватывали из волн рыбу и уносились куда то вдаль. Белые на синем. Но Таг всё ещё всматривался в горизонт, даже махал рукой, когда ему казалось, что парус отцовского корабля, нет-нет, да и вынырнет из-за яркой, сияющей, полосы...

Так он смотрел в море и печально вздыхал. Он мечтал, когда ни будь пойти вместе с папой в поход, далеко-далеко, подальше от мамы и от надоевшей Трои, и от старого Анхиза, и самое главное, подальше от этого скучного Энея.

Правда, можно было взять с собой Париса. И поскольку Парис сегодня первый раз отправился в поход, Таг думал, что именно так всё и будет.

– Ладно тебе журиться, – услышал Таг голос дедушки, – отец уехал, но скоро вернётся. И боевых походов теперь станет мало. Вы больше времени станете проводить вместе.

– А почему не станет боевых походов? Люди перестанут воевать? – спросил удивлённо Таг, и сама эта мысль ему показалась сказочной.

– Перестанут, – согласился Приам, – и когда теперь враг зайдёт к нам? Ведь твой папа поехал за миром для нашей страны! Мы оставляем тебе в наследство мир, а людям покой!

Таг улыбнулся. Он не любил войн. Он помнил, как хоронили погибших воинов, как плакали их жёны и дети, и даже старики-родители смахивали слёзы с глаз. А раз люди плачут, значит война это плохая штука, – считал мальчик. Правда самой войны Таг ещё не видел. Ни одного боя не видел. И не хотел. Жутковато было. В общем, не хотел Таг становиться воином, как ни старался Анхиз сделать из него витязя. Мальчик считал, что все ссоры и споры можно и словами разрешить. Ведь для этого же и дан ум человеку! И Таг верил, что когда он станет царём, то обязательно будет так делать. И тогда троянцы будут самыми счастливыми людьми на земле...

– А почему Эней молчит? – прервал его размышления Приам.

– Разве ты ничего не хочешь сказать? – спросил, усмехнувшись, Приам у Энея, – ведь тебе в грядущем командовать войсками нашей страны! А тут, Таг решил прекратить все войны на земле!

– Наша воля на лезвии меча! – злобно отрезал Эней и замолчал.

– Гм, – ответил Приам, – видать, ты наслушался речей своих старших братьев?
– И они – правы!.. – посмотрел на отца Эней...

Приам всегда посещал храм Асменя. Особенно в молодости, перед тем как уводил воинов в походы. Тогда он был силён, грозен и красив, как сейчас Геркле.

Приам всегда смело наносил соседям сокрушительные удары. Ему покорились и сирийцы на юге, и атураи на востоке, утихомирились народы моря и воинственные горцы поднебесной страны Урарту. Даже далёкая страна Кеми и та склонилась перед Приамом. Так что, как считал Приам, своим детям он не оставил врагов. Но враги появились сами собой. Это были жестокие, кровожадные, рыжебородые и косматые пришельцы с далёких северных гор, одетые в звериные шкуры. Они красили лица красной охрой и посыпали головы серым пеплом. Себя, эти дикари звали непонятным слуху именем – «эллины».

Они, эллины, разорили цветущую страну пеласгов, единоплеменников троянцев. Там где когда то цвели сады и золотились на солнце нивы, теперь лежала голодная и разорённая страна, раздираемая распрями эллинских племён, напоминавших шайки оголтелых разбойников, объединявших свои банды только за пять шагов до войны. И хотя эти дикари научились у пеласгов мыться и одеваться по человечески, заняли их дома, обратив хозяев в бесправных рабов, перестали в голодные годы поедать своих детей, суть их осталась прежней. Это были хладнокровные убийцы не знающие жалости. Их хотелось назвать только врагами всего человеческого рода...

...выросли дети. Теперь Приаму оставалось лишь молиться богам о ниспослании удачи в боях своему старшему сыну. Но время шло. В свой первый поход уходил Парис... Именно ему предстояло подвести Агамемнону в знак мира белого скакуна, и испить с ним хмельную чашу перемирия. Приам ждал этого половину своей жизни...

Приам сегодня хотел вознести прошения богам о ниспослании благословения своим детям, ушедшим за море, к коварным данайцам...

Храм стоял на обрыве над самым морем. У врат раскинулся небольшой двор, площадь, подступавший к песчаному обрыву и буквально срывающийся вниз, в бушующие волны. От этого двора к вратам поднимались ступени, возвышаясь над ним, словно взлетая вверх. Из-за них храм казался ещё более величественным, огромным, будто бы уносящаяся в небо башня-стрела. Казалось, что он раскачивался на ветру, угрожая обрушиться на город. Но не падал.

Таг глянул вверх, на маковку купола. У мальчика закружилась голова. Тут он был впервые. Раньше Таг любовался этим сверкающим куполом только с балкона дворца, но и не предполагал, что на самом деле храм такой огромный. Он слыхивал, что этот храм старше самой Трои на тысячу лет. Дедушка рассказывал Тагу, что когда-то давно его возвели далёкие-предалёкие предки троянцев. И вот уже тысячелетия не смолкают одиннадцать колоколов под самым куполом храма и не гаснет священный огонь, привезённый с берегов Рай-Реки, Древнего Потока. Она течёт где то на севере, далеко-далеко, в стране степных кочевников. Рай-Река пересекает бескрайние степи, пробивает высокие горы, прыгает с огромных порогов и впадает в Северное Море... На берегах этой реки и жили те, кто почему то решил уйти сюда, что бы построить и этот храм, и этот город, распахать тут поля и засеять их золотистой пшеницей... Дедушка называл их ангирасы.

Слово «ангирасы» Таг выговаривал ломая язык и вскоре стал говорить просто – «асы»... Они пришли сюда и всё тут построили. И звали их именно так!.. – решил для себя мальчик.

Таг был восхищён храмом. Много тысяч лет лет! Это казалось ему невероятным! Он пытался представить, но не мог себе представить, сколько людей родилось и умерло за эти годы,

сколько их тут побывало, вошло в эти врата... Таг представлял их лица и ему чудилось, что он слышит их голоса. Это отдавало холодком в спине, таинственным страхом, но воодушевляло.

Таг казался самому себе необыкновенным. Он выбирал себе из этих призраков собеседника и мысленно беседовал с ним обо всём на свете. Ему рассказывали о далёких временах, когда не было ещё на свете ни дедушки, ни прадедушки, ни пра-пра-прадедушки, ни самого Божественного Лабарны, далёкого-предалёкого пра-пра-пра... и ещё раз десять «пра-пра»... короче – предка! Мальчик не знал сколько раз надо сказать это самое «пра», что бы понять, кто такой этот Лабарна и чем он настолько «божественный», которого никто никогда не видел, но почему-то помнят и почитают все.

А вообще этот храм, его стены и купол, и даже врата казались настоящими великанами. Таг заметил, что люди около них становятся вроде как малюсенькими букашками, а порой и совсем незаметны. Бывало, Тагу приходилось подниматься на городские стены, или бывать на башне, так и то начинало колотиться сердце и билось сильно-сильно, а потом болело, кололо, давило и резало, словно по живому. В животе всё начинало ныть. Поэтому Таг старался никогда не подходить к краю стены, что бы не смотреть вниз. А вообще он не любил высоты и боялся её. Когда ему мерещилось во сне, что он падает, то просыпался Таг в холодном поту, с криком. И только когда понимал, что это сон, то снова ложился и долго-долго успокаивался... И сейчас, глядя на храм Таг представил, что было бы с ним, окажись он на самой его верхушке...

Воины загнали коней прямо на ступени храма и встали в два ряда от врат до ворот двира. Приам, пошёл между ними, ведя за руку Тага. Эней следовал немного позади...

Таг начал считать ступени. Но сбился, досчитав до ста. Точнее не сбился, а просто дальше считать не умел. Начал снова. Получилось десять раз по сто. Сколько это, мальчик не знал, но решил обязательно у кого ни будь спросить. А пока что решил, что эти «десять раз по сто» называются «тьма». Спросят у Тага сколько ступенек к вратам храма ведут, он и ответит: – «Тьма!».

В храме сумеречно и холодно, ветер под куполом завывает, страшно, словно стая волков. А купола самого не видно. Тут как на городской площади ночью. Тёмные стены кажутся домами, а вверх, в темноте, словно небо ночное. Свечи и факела, чадят каким-то благовонным запахом. Солнце пробивается только сквозь малюсенькие окошка под куполом. Эти окошка кажутся звёздочками, которые выстроились вкруг и водят свой сказочный хоровод. Таг даже улыбнулся, глядя на них. Звёздочки показались ему милыми, приветливыми. И было их двенадцать. От них, на храмовую утварь, падали лучики и скакали, играли, резвились солнечными зайчиками по стенам, по колоннам, по лицу мальчика и Таг рассмеялся, пытаясь увернуться от резкого, внезапного света.

Навстречу вышел знакомый Тагу старый Лаокоон. Дедушка отпустил руку мальчика и приложив ладонь к груди, кивнул жрецу.

– Я пришёл просить помощи богов в путешествии моих сыновей.

– Боги будут благосклонны к царевичам, – ответил Лаокоон, – но я видел, что они привезут факел, который сожжёт Трою.

– Не говори загадками. Боги уже сообщили свою волю? – усмехнулся Приам.

Лаокоон взял Приама под руку.

– Боги огласили её, ещё до основания Трои.

Он повёл царя в темноту, что-то, тихо шепча и рассказывая так, словно сообщал великую тайну.

Мальчики остались стоять у врат. Время шло. Таг начал было скучать. Стоять и ждать пока наговорятся взрослые, было самым ужасным испытанием. А Тагу ведь было интересно. Во-первых, было интересно, о чём же идёт разговор, потому что Таг и сам хотел знать, что за волю боги сообщили. Во-вторых, темнота, скрывала какие-то тайны. Таг это знал! Да и вообще, всегда интересно первый раз в незнакомом месте. Особенно привлекали огоньки

неподалёку. И вообще, думал Таг, не стоять же он пришёл у порога? Он и сам был не прочь поговорить по душам с Асменем. Ведь Асмень такой же мальчик, как и сам Таг? Если удастся подружиться, думал Таг, то Асмень, по дружбе, обязательно должен выручить, помочь папе и Парису в походе к этому коварному Менелаю.

Внезапный уход дедушки и Лаокоона, Тага даже обидел. Таг, почему-то, считал, что его тоже должны были пригласить на эту важную беседу. Раньше дедушка всегда звал Тага, если приходили гости. Особенно, если это были важные гости. А сейчас его оставили с самым злейшим врагом... Таг насупился и опустил голову.

– Чего это они? – шепнул он, – почему дедушка оставил нас тут?

– Что, почему? – раздражённо ответил Эней.

– Я тоже хочу попросить богов, что бы они помогли папе! А дедушка нас тут оставил, – сказал ему Таг.

– Стой уже молча, – словно отрезал Эней, и направился к жертвеннику.

Он не успел пройти и пяти шагов, как Таг немедленно его догнал.

– А ты куда? Я с тобой!

Эней чуть не закричал от возмущения.

– Ты можешь, хотя бы пять минут помолчать!?

– Нет, не могу. Я всё равно с тобой!

– Замолчи, глупый!

На жертвеннике всё ещё дымился жертвенный телёнок. Пахло вкусно. Даже аппетитно. Тагу показалось, что пришли они не в храм, а на дворцовую кухню, откуда каждый день исходили такие вот запахи. Мальчик улыбнулся и чуть не засмеялся.

– Как на кухне, – хихикнул он.

– Ты... – хотел, было, возмутиться Эней и уже занёс руку, что бы поставить Тагу подзатыльник...

Таг съёжился и зажмурил глаза, готовый принять удар... Но удара не последовало. Вместо него, Таг услышал чьи то слабые шаги...

– О почтенная, – услышал мальчик голос Энея.

Таг открыл глаза и увидел выходящую из-за алтаря старую пророчицу Сивиллу.

Сивиллу никто и никогда не видел. Таг просто слышал, что есть какая-то старуха, что живёт она в храме и предрекает будущее. А это и была старуха. Вот и решил Таг, что это и есть Сивилла!

Она остановилась глядя сурово на мальчиков. У Тага вообще перехватило дыхание. Такой он и представлял себе настоящих ведьм. Страшных, суровых и обязательно строгих. Но Эней нашёлся быстрее Тага.

– О почтенная, – упал он на колени, благоговейно преклонив голову...

Таг, в недоумении последовал его примеру. «По-видимому, ей уже лет сто», – подумал мальчик.

Сивилла подошла к мальчикам и молча, движением руки показала, что бы дети поднялись с колен.

– Я не божество, – к разочарованию Тага, абсолютно старушечьим голосом произнесла Сивилла, – и нечего тут передо мной на колени падать!

Таг быстро вскочил и подбежал к Сивилле, чуть не заглядывая ей в лицо.

– Простите, почтенная, а правда, что вы знаете будущее каждого?

– Ну и нахал... – раздался тихий шёпот Энея, мгновенно выросший в гулкое эхо.

– Знаю, – присела Сивилла на амвон, – и скажу всю правду. Ибо если солгу, то боги отнимут у меня данный мне дар.

– А мне скажете?

– Скажу, но, смотря, что хотел бы ты знать, царевич, – ответила равнодушно, но строго Сивилла.

– А что со мной будет? – съехидничал Таг.

В пророчества он не верил, как не верил и отец, который говорил, что не разу не видел, что бы боги поражали своими молниями плохих людей. Зато, говорил Геркле, негодяев всё больше и больше плодится на земле, а боги, словно потурают этому, помогают им угнетать слабых и беззащитных. Поэтому, как считал мальчик, папа выше всяких там богов, потому что защищает хороших людей от плохих.

Старуха заметила сарказм в глазах мальчика, но даже не выдала обиды.

– Ты Таг, прозванный при рождении своём Скамандрий, наречёшься царём над царями, – спокойно ответила она.

– Ну, это все знают! – рассмеялся в ответ мальчик.

– Ему бы наглости поубавить, – дерзко влез в разговор Эней.

– Он не наглец! – словно хотела подскокнуть Сивилла, так, что даже Таг отпрыгнул с перепугу, – он подобен праотцам своим! И ты ещё поклонись ему. Ему тысячи поклоняться во тьме веков и припадут к его ногам, как к престолу спасителя нашего народа! Это случится, едва ты возглавишь свой народ, Эней!

Эней усмехнулся и отвернулся.

– Это я то, стану царём? В своём ли ты уме, почтенная Сивилла? Я, сын рабыни Гекубы – царь Трои? Да ты сама только что сказала, что царём земли Хатти станет Таг, и тысячи поклоняться ему, или как там?

– Верно, – Сивилла успокоилась, – только ты имеешь уши слышать, но не слышишь даже того, что тебе говорят! Ты станешь царём своего народа, но не в земле хеттов. Ибо скоро не станет ни земли, ни хеттов, но будут новая земля и новые небеса, и новый народ отчлениться от старого. И тебе строить новую твердыню, с которой не сравнится даже твердыня Трои! И в венце славы своей, в венце преподобности и могущества, ты, царь Эней, падёшь от вишнёвой косточки брошенной в твою сторону наглым мальчишкой, пришедшим мстить. А Тагу послужат Солнце и Месяц, и Зори и Звёзды, и Дни и Ночи. Он воссядет на престоле, на который не садился ни один смертный и возложат на его голову боги небесные Венец, который выше их венца Славы и Силы во сто крат! И твои потомки тебя забудут, но Таг станет отцом народа своего.

– Так чьей станет Троя! – вскричал Эней в ответ.

– Глупый мальчишка! – рассержено ответила Сивилла, – да тебя только власть и беспокоит! Хочешь Золотого Трона? – получишь его подобие набитое просом! У Тага вдесятеро больше мудрости, чем у тебя, великовозрастного дитя! Ты троянским царём не станешь никогда! Им станет Таг!

– Но ты же говорила только что обратное! – уже закричал Эней.

– Помни о косточке, брошенной наглым мальчишкой пришедшим мстить, – ответила тихо Сивилла, поднялась и поковыляла за алтарь.

– Сивилла! Сивилла! Эта косточка, что, она меня убьёт? – хотел было броситься вдогонку Эней, но остановился...

– Таг воссядет на Золотом Троне праотцов, и наречётся спасителем рода русоголовых, – бормотала старуха, – ибо он от рождения царь царей и господин господствующих и власть имеющий на вечные времена...

Пророчество Сивиллы повергло Тага в ужасную гордость. Он даже подпрыгнул от радости. Ему предстояло стать всемогущим царём и возможно, даже царём всего мира! Сама

Сивилла назвала его царём царей! Но самое главное, что радовал Тага ещё больше, так это то, что она ужасно разозлила Энея! Видел бы кто его кислую морду, тоже повеселился бы!

Эней, «обладатель кислой морды», на самом деле ничуть не расстроился. Он считал, что судьбы делают сами люди, а послушать ворожбу разных святых старух и дедов всегда было интересно. По крайней мере, это напоминало мамины сказки. Он махнул вслед Сивилле рукой и отойдя подальше, присел на лавку важно скрестив руки на груди, стоящую под квадратной колонной...

Таг остался один. Из-за алтаря слышалось пение гаруспиков, чьи-то печальные вздохи и причитания по чьей то горькой судьбе.

Мальчик обернулся и увидел, что Эней довольно далековато и как всегда с обиженным взглядом и задумчивый, возможно, даже злой. А чего он обижался? Чего обижаться неизвестно на кого? Ведь Сивилла предсказала не ему плохую судьбу, а Тагу хорошую и счастливую! Да и не хотел Таг становиться царём. Если бы Эней попросил его: «Таг, можно я буду царём?», – то Таг бы не задумываясь, отдал бы ему всё царство и Золотой Трон в придачу! Не хотел Таг садиться на этот Золотой Трон. Он был огромный и холодный. А Таг был маленький и жуть как боялся холода. Да и скипетр с державой были не для его силёнок, тяжелы и огромны. А корона, скованная из семи диадем семи разных царств, когда-то захваченных его далёким предком, этим самым Лабарной, не то что бы на ушах висла, а даже на нос падала...

Таг обернулся на жертвенник, посмотрел на дымящегося телёнка и подумал: «Хорошо бы было, если бы я никогда больше не обижал Энея. Вон он, какой расстроенный. Да и вообще, хорошо бы было никого не обижать совсем...»

Мальчик молитвенно поднял вверх ладошки...

– Асмень, ты такой же мальчик, как и я, только живущий сейчас далеко-далеко, там где сияют прекрасные звёзды. Сделай так, что бы папа и Парис вернулись из похода живыми и здоровыми и ещё долго-предолго жили. Я не хочу, что бы была война, поэтому сделай так, что бы все боги помогли моему папе заключить мир с дикарями эллинами. И ещё, если хочет Эней быть царём, то пускай вместо меня лучше он им станет. А то он вечно из-за меня расстраивается. Ведь ты не был царём, а стал Богом. А я хочу, как и ты, быть просто мальчиком, как и все дети на свете. А когда вырасту, то обязательно прекращу все войны. Я обещаю тебе, что никогда не стану причиной горя у хороших людей. Можно мне, как и тебе, Асмень, быть просто мальчиком и приносить людям только доброе?... У тебя была гуска, несущая золотые яйца, которую ты выкрал у злого великана. А у меня есть красивый конь, Звёздочка. Если бы я, когда ни будь тебя встретил, то обязательно покатаю бы на Звёздочке. Он у меня добрый. Ты не бойся, он тебя не скинет. А мой учитель, старый Анхиз, научит тебя ездить верхом. Он мне рассказал, что когда ты жил на Земле, люди ещё не приручили коней. Видимо для тебя будет интересно на Звёздочке покататься?..

Молитва Тага была молчаливой. Он стеснялся и не хотел, что бы его кто-то услышал, поэтому шептал слова своей молитвы тихо-тихо. Это был его личный разговор с Асменем.

Собственно, сходить в гости к Асменю домой мальчик хотел очень давно. И если в пророчество Сивиллы Таг не очень то и верил, то в Асменя верил всем сердцем и так же точно, всем сердцем, искренне Асменя любил. И даже когда играл, то представлял, что играет именно с этим мальчиком. Таг даже тайно советовался с ним о своих детских проблемах... Ведь собственно друзей то у Тага не было. А если друзей нет, то обязательно надо их, хотя бы, придумать. Таг это прекрасно понимал, зная, что от одиночества можно просто сойти с ума. А тут и выдумывать не надо. Тут настоящий Бог. Ему можно довериться...

Отдалёнными голосами доносился разговор дедушки с Лаокооном. Но Таг даже не вникал в него. Для мальчика это было чем-то непонятным, тем, что ему не дано знать и постичь.

Именно поэтому он не слушал разговора двух стариков, которые словно шушукались, стоя около дальней стены...

Зато прислушивался к их разговору Эней...

Голоса раздавались глухо, но всё же отчётливо были слышны...

– Сивилла забирает свои книги, содержание которых никому неизвестно и уходит в далёкие земли за три моря, – слышался голос Лаокоона.

– За три моря? – опустил голову старый Приам. Он тяжело вздохнул и взялся за сердце.

– Что это может означать?

– Только одно, – ответил Лаокоон, – только одно, что боги обращают свой взор туда и там будущее нашего народа. Все три молнии судьбы ударят скоро по нашей земле, и здесь не останется народа русоголовых.

– А что говорит Сивилла?

– Ничего... Только то, что там будут иные цари, иная земля и иное небо.

Приам подумал и с надеждой взглянул на жреца.

– Может быть, наши дружины отгонят данайцев, и мы выйдем к берегам третьего моря, в погоне за врагом? И там воздвигнем иную Трою?

– Я бы не был таким уверенным в этом...

Лаокоон молча, взглядом, указал вверх.

– Смотри, царь. Видишь, как солнечные лучи прорезают окна под куполом храма? Они слишком ярки и светлы для могучего солнца. Они могут быть благословением богов, а могут быть страшным, всежигающим оружием, как оружие наших пращуров, имена которых забыты. Это фаш-огонь. Такой жары не знала наша земля. Уже третий месяц ни одной капли дождя не выпало в стране русоголовых. Солнце выжигает землю делая её мёртвой. Так делают воины перед приходом врага, что бы урожай и селения не достались неприятелю. Ожидать надо прихода врагов, какого ещё не знала земля русоголовых, какого ещё не бывало со времён появления наших предков на этих берегах. Ибо даже наш отец-солнце сжигает наши посевы, лозы виноградные и сушит степь с её байраками и источниками вод.

– Ты думаешь, что враги вновь ступят на землю хеттов? – Приам насторожился.

– Море беспокойно, – покачал головой Лаокоон, глядя Приаму в глаза, – сегодня утром из него выползла змея, которая задушила чайку...

...из манускрипта...

«Я предрекал царю Приаму о гибели наших воинств и нашей земли. Солнце нещадно жгло землю и крестьяне боялись неурожая. Море было беспокойным и морские змеи без всякого страха выползали на песок, грелись на нём и нападали на рыбаков. Всё говорило о том, что боги насылают проклятие на наш край...

...пророчица Сивилла, за многие годы впервые вышла на свет из храма Асменя, дабы покинуть его навсегда...»

Порт внезапно взбодоражился. Люди бросали свои дела и бежали к храму, словно он в момент занялся огнём вспыхнув огромным пожаром. Многие бежали потому, что уже видели собирающийся народ, слышали крики, причитания и понимали, что происходит нечто важное.

С храма ударили сразу все одиннадцать колоколов...

Народу собралось столько, что негде было ступить ногой. Толпа падала на колени и начинала причитать, каждый на свой лад, предрекая что угодно кроме хорошего.

Сквозь эту толпу пробиралась старуха, одетая во всё белое неся на плече мешок полный каких-то свитков. За нею шли плачущие женщины и мальчики, так же одетые во всё белое. Гаруспики. Служители самого Асменя. Храмовые мальчики и их матери. А за ними брёл одетый в траурные одежды Лаокоон. Лаокоон вздымал к небу руки и призывал народ. Народ отзы-

вался воплями и плачем, какими-то неразборчивыми причитаниями. Громче всех причитали женщины. Мужчины наблюдали за всем со стороны, стараясь не вмешиваться в происходящее. Но тоже с трудом скрывали печаль по уходящему, привычному всем, течению жизни, когда вот эта старуха направляла и их мысли, и чувства, и от неё одной зависело чему быть, а чему не миновать...

– Плачьте! Плачьте, о народ русоголовых! – словно призывал Лаокоон, – плачьте от твердыни расен до несийских городов! Плачьте на северных берегах и в степях! Плачьте на луках рек у моря! Она покинула нас! Она уходит, хранительница народа нашего, молитвеница за страну нашу!

– О Сивилла-матушка, на кого же ты покидаешь нас!? – как будто отвечали ему причитанием женщины, а Сивилла, молча и скоро двигалась дальше, не обращая ни на кого внимания, как будто просто шла на базар...

Причитания разрывались громом, смешивались с воплями и стенаниями...

– Ой, укатилось солнце ясное да за горы высокие, да за леса дремучие, да за облачка за ходячие, да за чисты звёзды за подвосточные! Покинуло нашу головушку, да со стадушком оно да со деточками, оставило нам горюшко, горе горькое на веки то вековечные... – вопили женщины.

– Горе! Горе на головы народа нашего! – разогревал Лаокоон толпу, и толпа разрывалась с новой силой. Хныканья мальчиков-гаруспиков и их матерей-жриц буквально глушили Лаокоона, не давал ему произнести даже слова. Плачу вторили стенания толпы...

Порт, взвыл настолько, что городская стража выехала туда немедленно. Складывалось впечатление, что случился бунт, или какая ни будь разбойная орда с моря надумала высадиться в Трое. После, правда, сотник узнал причину всеобщего шума и громогласья. Когда воины подъехали, они увидели, что таинственная Сивилла, оказавшаяся при обозрении сухенькой и маленькой старушкой, удалялась по дороге ведущей на север. Толпа, чуть отставая, следовала за ней, падала на колени и умоляла, взывая на все лады...

– Вернись, матушка, берегиня наша, хранительница! – в один голос выли люди, – матушка, зигзица вещь, зачем ты нас покинула, град наш осиротила!..

Собственно, ничего не обычного, сотник не заметил. Воины постояли ещё пару минут, проводили молчаливым взглядом из переулка весь этот ход и даже успели от него утомиться. А люди остановились только в городских воротах, именуемых Золотыми. Там Лаокоон упал на колени и начал громко молиться. Все последовали его примеру. Сивилла дальше пошла одна. Пошла быстро, бойко, не оглядываясь на город. Встретив её, любой прохожий принял бы вещь пророчицу за обыкновенную, жизнерадостную, бойкую старушку...

– Она ушла, – произнёс решительно сотник и повернув коня крикнул стражам:

– В цитадель! К Анхизу! Немедленно донести эту весть царю!

Подняв на дороге пыль, стражники развернули коней и помчались, не разбирая дороги...

...Этой ночью Тагу приснился волшебный сон. Он видел серебристый дивный луг с сияющей травой, звонкими, словно живыми, цветочками-колокольчиками, с деревьями на которых висели золотые листья. Роса капала с этих деревьев и выбивала очаровательную звонкую капель. А колокольчики подыгрывали росинкам. Таг засмеялся и побежал по этому лугу к маленькой речушке, что журчала и быстро текла по прозрачным хрусталикам. Мальчик сбросил с себя тунику и прыгнув в воду, окунулся с головой в живительную влагу речки... Приятный холодок охватил тело. Тагу стало хорошо и радостно. Выйдя на берег, он глянул ещё раз вокруг, любуясь золотистыми листьями и серебристой травой. Тут всё было необычно, не так как в степи. Таг понял, что он не на земле, а где-то в другой, в волшебной, сказочной стране за далёкими-предалёкими звёздами. Даже свет тут был не такой, а другой. Свет словно не тело, а душу освещал. Таг, казалось, всё это не видел, а чувствовал. Да что там чувствовал! Он пони-

мал, что стоит ему подумать о чём-то в этой стране, как его мысль тут же сбудется. Поэтому он старался не думать о плохом. Все его мысли были только весёлыми и почему-то хотелось взмахнуть руками и полететь, высоко-высоко, под радужное и манящее небо...

Вдруг, мальчик услышал голос, мелодичный, чарующий, манящий куда-то. Ему открылась дорога уходящая вдаль, за горизонт, за луга и рощицы этой страны. Голова закружилась в волшебном дурмане! Таг пошёл по дорожке, глядя руками серебристые травы и звенящие колокольчики. Ему стало весело и хорошо, словно он шёл не по тропинке, а качался на качелях в дедушкином саду.

Голос его звал, манил. Таг чувствовал всем сердцем, что это добрый голос, что там сказочная страна, что там творятся чудеса, живут добрые звери и хорошие люди, что в той стране никто и никогда не болеет и не умирает, а все счастливы и радостны.

Внезапно голос спросил: «Тебе здесь нравится?»

– Конечно! – вскрикнул мальчик, ища глазами того, кто с ним говорит.

– Не ищи меня, – сказал голос, – ты меня не увидишь, глупый.

– Почему?

– Потому что я в твоём сердце.

– А кто ты?

– У меня много имён, – ответил Тагу голос, – но если ты хочешь попасть в эту волшебную страну, ты что-то должен сделать, что бы и твой мир стал таким. Ты сделал, что ни будь для завтрашнего дня?

– Я? – спросил Таг глядя в небо, откуда, как ему показалось, и звучал голос, – я ещё ничего не сделал. Но я хочу сделать! Я хочу быть добрым и справедливым, что бы не приносить никому горя, а дарить только счастье!

– Тогда эта дорога для тебя открыта. Иди по ней и придёшь в волшебную страну... – прозвучал голос в последний раз и Таг поспешил, побежал забыв обо всём на свете, и вдруг... проснулся.

Было раннее утро. Таг открыл глаза, всё ещё наслаждаясь дивным сном, когда увидел стоящего над собой Анхиза.

– Сегодня мы поедem за город, в дальние лески, – сказал Анхиз, – царевичу пора привыкать к седлу в пути, а не только катаясь по кругу.

– Анхиз! Я видел чудесный сон! – воскликнул Таг, захотев было всё рассказать своему учителю.

Анхиз прижал палец к его губам.

– Тише. Никому не доверяй сны до полудня. Иначе добрый сон улетучится, а Мара и Морок украдут твоё счастье и отдадут тебя в власть Той, Имя Которой Забыто.

– А какое у Неё Имя? – усмехнулся Таг.

– Я же говорю, что Оно Забыто, – ответил Анхиз, – она блукает ночью по улицам города и крадёт души детей.

– И кто же Она такая?

Анхиз не ответил ничего, только подошёл к столу, на котором стоял умывальник и налил в него, из кувшина, тёплой воды.

– Пора умываться, царевич.

– Ага, раз ты не хочешь говорить, значит её просто нет! – воскликнул, рассмеявшись Таг, встав с кровати, – а значит и мне бояться нечего!

– Конечно, нечего, – согласился Анхиз, – только почему-то вы не забываете лить мёд на хлеб каждую ночь, перед сном, и читать молитвы Асменю.

Таг ничего не ответил. Он глянул на лежащий возле образа Асменя лаваш, за ночь пропитавшийся сладким мёдом, умылся и подойдя к хлебу, демонстративно взял его, отломил кусок и съел...

...полуостров Золотой Рог; то же время...

Тин совсем изголодался, а ещё больше устал. Вообще, ему очень сильно хотелось спать и это чувство, когда спать хочется, но заснуть ты не в силах, не покидало его ни днём, ни ночью. Ночью спать мешал пронизывающий до самых костей холод, а днём мешала жара и яркий солнечный свет. Не мог и не привык Тин спать днём. День не для этого, как считал мальчик. Да и опасно было расслабляться. Это значит подарить себя хищникам. Ведь спящий человек, это лёгкая добыча. Так можно заснуть и больше никогда не проснуться.

Мальчик уже начал жалеть, что не послушал Геркле. Надо было покинуть этот полудиккий край, полный призраков и бродячих собак. Но всегда, всегда резко, словно отрубая ненужный сучок от бревна, он гнал от себя эти мысли. «Да что же я, неженка, или белоручка какой?», – думал Тин, кутаясь в подаренный плащ, глядя пристально в скудный огонь и слушая одновременно тишину ночи.

Тишиной, ночь в горах можно назвать лишь потому, что в ночи всегда должно быть тихо, как кажется городским жителям. Мальчик же слышал непрестанные шорохи, стуки, крики и уханья ночных птиц и шатающихся по неведомым тропам зверей. Где-то в горах завывали собаки, а в низинах им вторили волки. Видимо от голода. Тин тоже завыл бы, если бы не был уверен, что издай он малейший шум, то обязательно станет, чьим-то ужином. Поэтому он просто слушал. Он понимал и зверей, и птиц, и камни, и ветер. Он знал, что людей вокруг нет. Никого нет, кроме завывающего ветра, несущегося откуда-то сверху. Ветер этот ударялся об скалы и бежал уже по земле, зловеще хохоча, шипя, как будто напевая жуткую песню.

Тин вспомнил. Ветер живой. Он только кажется не живым. Это не дыхание богов. И не дух. И не просто сила. Это могучий богатырь седой древности и зовут его Гастур. Но его нельзя называть по имени. Зато можно позвать на помощь, и он поможет всегда. Так говорили старики из Золотого Рога, величая его дивным именем Стриба. Они рассказывали, что несётся Гастур из глубин Вселенной, из-за тёмных, невидимых звёзд и всё знает, и всё ведает, и вдохновляет идущих дорогами войны...

Мальчик поднял взор на огромную серебристую луну и впервые в жизни... заплакал.

– Ветер-ветрило, что ждёт меня, Гастур... – проговорил чуть слышно Тин, – где доля моя? Ты поможешь мне?.. Что делать мне?

Ветер продолжал яро завывать меж скал и Тин услышал в ответ только безмолвие зловещего воя...

– Молчишь... – опустил глаза мальчик.

Ветер начинал стихать. То снова, резко порывая, пронизывая холодом, задувал огонь и хватал страхом за душу. Как не хотелось вылезать из тёплого плаща, что бы подбросить в пламя поленицу, но мальчик набирался сил и понимая, что иначе замёрзнет, вставал и кормил своего спасителя, свой огонь...

Наконец Тин окончательно обессилел и прилёг на камни у костра, укрывшись плащом, с головой... ..

..... когда проснулся, уже был день. Небо, затянутое серыми тучами, казалось низким и тяжёлым. Тучи бежали куда то к югу, но ветра не было. Костёр давно погас, а скалы и серый мох блестели каплями серебристой росы... Холод и голод угнетали сильнее страха...

Тин поднялся обхватив руками озябшие плечи. Так он постоял, осмотрелся вокруг, накинул плащ, и схватив лук побежал вниз, в долину...

– Дурак, – сказал сам себе мальчик, – чего испугался? Данайцев? Они не станут рыскать ночами!

Он вдруг остановился.

– Я говорю сам с собой? Я схожу с ума..? Я схожу с ума от голода. Нужно поесть...

Тин сделал ещё несколько шагов.

– Если я поем, то я уже не смогу воевать. Лучше я убью данайца и заберу у него еду. И оружие. Всё заберу...

Так он брёл, куда глядели глаза. Брёл долго, пока не вышел в знакомые ему места. С горы открылось море. Широкое и бескрайнее. Цвета тревожной, колышущейся лазури. Беспокойное море.

Тин глянул, куда то в сторону.

– Там Золотой Рог... Там Северное Море... Ты вернёшься туда, Тин? Они ждут тебя, жители твоего городка...

Он посмотрел в другую сторону, протянув туда руку, как бы указывая самому себе путь.

– Нет, Гастур, я туда не пойду, – проговорил мальчик, – данайцы не станут задерживаться долго в разграбленном краю. Они пойдут искать новые жертвы своим кровавым богам.

– Ха! – усмехнулся он, ударив себя в грудь, – да они сядут своими посёлками по всему Золотому Рогу! Они станут топтать твою землю, прах твоих родных, а ты? Что тянет тебя на юг?

– Нет, Гастур! Моя земля там, куда в состоянии дойти мои ноги, там, где я стою...

Мальчик замолчал. Он глянул на море и облокотившись на огромный лук застыл, любуясь бескрайней водной пустыней...

– А может мне уйти в страну данайцев? – спросил он сам себя, – я стану топтать их землю и она станет моей!

Ветер что-то ответил шелестом краёв плаща и ласканием длинных, чёрных волос Тина.

– Ты прав, Гастур, – сказал мальчик, – нечего нам там делать. Это моя страна и я в ней хозяин. Нам не нужна их Эллада. Они но прогонят нас с нашей земли...

Тин помолчал, о чём-то думая.

– А их земля ним не нужна, – добавил он, цепляя через плечо огромный лук...

...окрестности Трои; то же самое время...

Уехали далеко. Таг постоянно вырывался на Звёздочке вперёд, а Эней держался Анхиза, чинно следуя рядом. За ними, держа такт, следовали ещё два десятка витязей. Но Таг и думать не смел о том, что такое этот такт! Интересно было всё, как будто мальчик всю свою жизнь просидел взаперти и вот, наконец, его выпустили на свободу.

Конечно же, это было вовсе не так. Он и раньше бывал тут, но всё равно его разбирало любопытство. Прежде всего он хотел узнать, что же изменилось здесь за пару недель. Потом, думал Таг, он посмотрит на всё это и задаст кучу вопросов Анхизу, на которые старик вряд ли сможет дать ответы. А пока тот станет думать, Таг наберёт кучу жерделевых косточек для своей рогатки и вернувшись, обязательно обстреляет зазнайку Энея. Жерделевые косточки это не вишнёвые и Энею мало не покажется!

Ехали вдоль Скамандры. На берегу хотели пообедать, а ближе к вечеру вернуться в Трою.

Солнце поднималось всё выше и выше. Уже становилось жарко. На небе не было видно ни одной тучки, которая спрятала бы за собой солнце.

– Ну, что, маленький царевич? – прервал размышления Тага Анхиз, – ваше право избрать верное место для лагеря!

– Я бы хотел в леске, на берегу реки, – указал Таг на рощицу неподалёку.

– Неправильный выбор, – ответил Анхиз, – в леске враг подберётся незаметно, а челны супротивника расстреляют стрелами твой отряд. Сами же станут, недосыгаемы нашим мечам.

– А где? В поле, под солнцем? Но жарко!

– И в поле нельзя. Поле, почитай, ладонь! – показал Анхиз свою могучую ладонь, – как на ладони станешь врагу открыт!

– И где же тогда? – обиделся Таг скорее на себя, чем на Анхиза, что не разгадал его загадки.

Анхиз усмехнулся, поняв мальчика.

– Вон, видишь холм, что над берегом, вдали? – показал он мальчику вперёд.

– Ну, вижу, – глянул Таг, – и я должен разбить там лагерь?

– Именно там! А почему ты так считаешь?

– Ничего я не считаю, – отвёл глаза Таг.

Он подумал.

– Нам будет видно лес, речку и поле. А укрытием нам послужит жердевая рощица. Правильно?

– Правильно, – согласился Анхиз, – верно мыслишь, царевич!

Таг изменился в лице, вновь повеселел и пришпорил коня.

– Ура! Я на разведку! Я на холм, вперёд! – вскрикнул он и погнал к дальнему холму Звёздочку.

Разведка ничего не дала. Мальчик с разочарованием для себя обнаружил, что холм был совершенно пуст. Да и рощица была не жердевая, а кленовая. Зато тихая и тенистая.

Тут, его внимание привлёк огромный обрыв над рекой. Он привязал Звёздочку к деревцу и встав на четвереньки, начал рассматривать бегущую внизу воду. Было ужасно интересно! Быстрая речушка сносила крутой берег и время от времени даже выламывала куски глины, размывала их на глазах и растворяла в себе, становясь огненно-красной.

– Вот здорово! – воскликнул Таг вскочив, – Анхиз!

Анхиз услышав крик мальчика подогнал коня.

– Анхиз! – прокричал Таг указав рукой на Скамандру, – тут такой обрыв! Я непременно хочу спуститься с него!

Анхиз ничего не ответил, молча въехал на холм, слез с коня и отвёл мальчика подальше от края. Таг не упирался. Он только размахивал руками и восторженно, с трудом подбирая слова, рассказывал о виденном.

– Тут так высоко! Тут так здорово! Тут даже Трою видно! И вся-вся степь, как... как на море!.. А вода быстрая-пребыстрая, Анхиз!

– Хотя ты и Скамандрий, мой повелитель, – ответил Анхиз дослушав Тага, – Скамандра всё же опасна для тебя, как и для любого смертного.

– Это ещё почему? – искренне удивился Таг не столько словам Анхиза, сколько тому, что учитель не разделяет его радости.

– Она забрала не одну жизнь, – сказал Анхиз, словно продолжая, – поскольку быстра и глубока. А я поклялся быть верным вам и защищать вас до последнего вздоха.

– Даже от Скамандры?

– Даже от Скамандры, – кивнул Анхиз.

Всё равно, не успел Анхиз и глазом моргнуть, как после обеда Таг попросту исчез...

Пока Анхиз поднимал по тревоге воинов, пока те обыскивали побережье Скамандры, вспоминая все ужасные предания о похищенных и утонувших царевичах, ожидая наихудшей развязки всей этой истории, Таг, спокойненько, со свойственным его возрасту чрезмерным любопытством, тихонько подгоняя Звёздочку и сам обследовал берег. Он открывал для себя удивительные и загадочные края, как считал, пока не наткнулся на маленький хуторок.

Хуторок этот стоял на самом берегу. Точнее сказать, на обрыве. И к речке, от него вела кривая тропка. В самом конце этой тропки был сооружён простенький пирс с которого можно было купаться и ловить рыбу. Но, судя по тому, что пирс этот имел сваи повыше него самого, всё же он служил по назначению – причалом для лодок.

Тага пирс интересовал мало. Мальчик прыгнул со Звёздочки и позволил себе зайти во двор. Он не был бы Тагом, если бы не нашёл в себе духа сделать это. Когда встречается нечто новое и не особенно знакомое, а подчас вообще незнакомое, то его обязательно надо

исследовать, – считал мальчик. А вдруг там много интересного? Да и как же мальчик, девяти лет от роду, может пропустить новое и заманчивое, которое само под ноги лезет? Ни в коем случае!

Во дворе было пусто, тихо и молчаливо. На заборчике сохли рыболовецкие снасти. На крыше сарая, вверх дном лежала старая лодка. А вот из хатки-мазанки, доносился какой-то шум и запах свежего плова.

Таг набрался смелости, граничащей с любознательностью и тихонько подойдя к двери, заглянул в хатку.

Хатка оказалась бедненькой...

Внутри, вдоль стен, почерневших и осыпавшихся, покрытая тонкой мешковиной сушилась рыба. «Таранка», – понял Таг. Посреди одной единственной комнаты стоял длинный стол. Вдоль стола стояли лавки, такие же длинные и узкие. А чернявая девчушка, не обращая никакого внимания на стоящего в дверях Тага, доставала ухватом из печи огромный горшок.

«Так вот откуда пловом пахнет!», – понял Таг. И только сейчас ему стало ясно, насколько он обожает плов! И было бы неплохо, если бы этот плов оказался с дольками сладких яблок, или с изюмом!

Мечты Тага перебил раздавшийся сзади осторожный топот Звёздочки. Таг глянул через плечо. Звёздочка буквально дышал в затылок, поверх Тага заглядывая в хатку.

– Ну, Звёздочка, неприлично подглядывать! – сказал Таг коню и девочка обернулась на его голос.

– Хи-хи, – рассмеялась она, – какие вы смешные!

– И вовсе мы не смешные, – ответил ей Таг, – мы гуляли и вдруг видим, домик стоит. А вы тут наверно живёте?

– Живём, – кивнула девочка, – я, мама Вартуш, папа Аршил, мой старший брат Оник и племянник Айрик. Только Айрик ещё совсем маленький и поэтому, моя мама забрала его с собой на виноградник. Мама поливает, а заодно и за Айриком смотрит. А папа с братом ушли в море, но скоро должны вернуться.

– А я так, – важно ответил на столь подробные приветствия мальчик, – мимо проезжал и решил зайти к тебе в гости!

– Заходи, – обрадовалась девочка, – а то мне одной скучно. Обед я приготовила и теперь надо постирать. Ты поможешь?

– Угу, – кивнул Таг нехотя, и отогнав от двери Звёздочку, прошёл в хатку.

В хатке было прохладно. Пахло не только пловом, но и свежим сеном. Теперь Таг понял, почему Звёздочка не отходил от двери.

Мальчик присел на лавку, к столу.

– А меня Таг зовут, – сказал он.

– Какое чудесное имя! – воскликнула девочка, прихлопнув в ладоши, – а я Азнив!

Таг улыбнулся.

– Я... Я совсем не умею готовить.

– Это же так просто, – усмехнулась Азнив, – если ты будешь чаще приезжать ко мне в гости, то я научу. Обязательно научу!

– Буду, – решил Таг, – мне дома скучно. Мама не играет со мной, а папа с дядей теперь вечно на войне. А второй дядя, хоть и не больно старше меня, но противный и нудный.

– Ты видимо из богатой семьи?

Таг только отмахнулся в ответ.

– Да ну их всех! Лучше бы я тут жил. Тут так хорошо. Ходил бы в море, с твоим папой, или твоей маме на винограднике помогал. Всё одно, скучать бы не пришлось.

Азнив развеселилась и подседа к Тагу.

– А как зовут твою лошадь?

– Звёздочка, – с гордостью сказал мальчик, – только это конь.

– А почему, тогда, Звёздочка?

– У него звезда во лбу, белая. Я хочу покатать на нём Асменя, но дедушка говорит, что это невозможно.

– Почему невозможно? – удивилась Азнив, – моя мама говорит, что если очень захотеть, то любое желание обязательно сбудется.

– Правда?

– Правда, – кивнула Азнив, – я, например, очень мечтаю стать царевной, такой как Ариадна, прекрасной. Я никогда не была во дворце, но когда ни будь я обязательно встречу настоящего царевича и он приедет на коне, и заберёт меня с собой. И мы будем жить долго и счастливо!

Таг улыбнулся в ответ и переведя взгляд в потолок, вздохнул.

– Кому о чём мечтается, – произнёс сам себе мальчик.

Ход его мыслей, прервала мама Азнив. Она вошла настолько внезапно, что дети не сразу её заметили. Таг испуганно обернулся, вскочил, но, немного погодя, поздоровался. Он не успел ничего сказать, поскольку Азнив его опередила.

– Мама, это Таг, мой друг, и он обещает приезжать к нам всегда. И вообще хочет у нас жить.

Мама усадила на стульчик у порога малыша.

– А твоего друга никто не ищет?

Таг вздохнул и опустил голову.

– Наверно уже ищут.

– И наверно очень, – добавила, строго, к словам мальчика мама, – вон, конь твой волнуется, беспокойный стоит, то и дело в степь поглядывает. А сам ты, видать, голоден? Давно гуляешь?

Таг снова вздохнул и посмотрел на женщину.

– Не знаю. Но когда все обедали, я уехал.

– Садитесь-ка за стол, – сказала мама, – пообедайте, а там видно будет.

Дети сели к столу. Мама взяла горшок с пловом и высыпала плов на огромное деревянное блюдо, которое поставила на стол, приглашая детей обедать.

Плов был душистый, рассыпчатый и именно такой, какой Таг обожал, без малейшего намёка на мясо.

Мама положила перед детьми две деревянные ложки.

– Давайте-ка, пообедайте и Азнив будет мне помогать, а Тагу пора домой.

Таг даже обиделся. Ему сейчас показалось, что Азнив ни как без него не обойдется, и он просто обязан ей помочь! А её мама этого не хочет понимать! Он поднял взгляд к потолку и долго что-то рассматривал, но вот что именно, не видел сам. Однако, желание покушать взяло верх. Да и плов пахнул вкусно. Мальчик зачерпнул его ложкой, и медленно поднес к рту, испробовал. Кушанье не богатое, даже очень скромное. Но оказалось оно гораздо вкуснее тех, что подают к царскому столу. Самое главное, что этот плов приготовила Азнив, будто бы специально для Тага. Как раз с кусочками яблок. И сладкий, на душистом меду. Словно Азнив знала, что Таг приедет...

Мама умывала малыша и молча поглядывала на детей. Зато Азнив без умолку болтала, хотя её никто ни о чём не спрашивал. Таг отвечал на её редкие вопросы очень серьёзно, уверенно, почти по взрослому, стараясь понравиться её маме. Но ему казалось, что мама не обращает на него никакого внимания...

Азнив встала, взяла с полки на стене горшок, налила в чашки сладкий узвар. Одну чашку взяла себе, а вторую подала Тагу.

– Мама, – заговорила Азнив, а между прочим, в степи страшно. И Тагу, наверно, страшно одному ехать.

– М-м, – закружил головой Таг не отрывая чашку ото рта.

– Ты может, хочешь, что бы тебя проводили? – спросила мама.

Таг поставил чашку на стол.

– Я сам. Только Азнив помогу немножко, а потом сам поеду. Мой дедушка говорит, что нехорошо использовать доброту людей.

Женщина рассмеялась.

– Глупый ты! Да кто же разрешит такому маленькому мальчику по степи одному гулять?

Приедет наш Оник и отвезёт тебя к родителям!

Таг вновь замолчал и насупился. Потом он вздохнул и обиженно взглянул на женщину.

– Ну, можно я помогу Азнив?

Женщина махнула рукой.

– Ладно, всё равно Оника ещё нет. Хочешь, так помоги. Вон корзина с бельём, а Азнив знает, что делать.

– Ура! – в один голос закричали радостно дети и наперегонки бросились к корзине.

Таг опередил Азнив. Он подбежал первый, схватил корзину и побежал к дверям...

Тут он столкнулся со стоящим на пороге Анхизом...

– Мой повелитель, – совершенно спокойно начал Анхиз, – мы обыскали все окрестности в поисках вас...

Анхиз прошёл в поглощённую тишиной хатку. Заплакал Айрик. Мама девочки встала как вкопанная, а Азнив моментально спряталась за Тага, прижавшись к спине мальчика.

Анхиз остановился и повернулся к Тагу.

– Но вы не можете таскать корзины с бельём...

Таг набрался смелости и всей присущей только ему наглости.

– Я что хочу, то и делаю! И попросил бы мне не мешать! И вообще, это мои друзья, а друзьям надо помогать! Ты сам говорил!

Он что-то хотел ещё сказать, но красноречия не хватило. Тогда Таг, вместо этого просто топнул ногой.

– Идём Азнив, – сказал он девочке, и дети вышли во двор, оставив в хатке Анхиза наедине с мамой.

Анхиз тяжело вздохнул, повернулся к женщине и указал на лавку.

– Я присяду, с вашего позволения?

– Присаживайтесь, – ответила женщина, – почему вы спрашиваете? Троянские витязи никогда не спрашивают позволения у инородцев.

– Я не имею права сидеть в присутствии престолонаследника, – ответил Анхиз.

Он глянул на обомлевшую женщину и улыбнулся.

– Ох, и задал же вам видимо хлопот этот сорванец?

– Ну что вы, благородный витязь, Таг очень милый мальчик, и скромный... – начала было Вартуш.

– Не возражайте, – остановил её, совершенно по отечески, Анхиз, – я знаю его с рождения и знаю на много лучше, чем многих других детей. Если Тагу что-то взбрело в голову, он обязательно этого добьётся. Его отец был таким же упрямым и настырным.

– Вы сказали, что Таг... престолонаследник? – закружилась голова у женщины, – это правда? Это был... царевич?

– Почему вы удивляетесь? – не понял Анхиз.

– Престолонаследник в степи? – присела рядом Вартуш, – скажите, это не розыгрыш соседей? Моя девочка всю свою жизнь бредила увидеть настоящего царевича и разболтала о своей сокровенной мечте всем подружкам...

– Выгляньте во двор, милейшая урартянка! – усмехнулся Анхиз, – и если там вы увидите крестьян, то я позволю вам сбрить свою седую бороду! Таг сбежал из лагеря, когда все сели обедать, потому что очень любопытный. И поэтому оказался здесь.

– Он заглянул сюда случайно... – ответила Вартуш, – получается, что мечта моей дочери сбылась? Получается, что боги услышали её молитвы и привели сюда Тага, настоящего царевича?

– Он сын человека, имя которого с ужасом произносят твои соотечественники, – сказал Анхиз, – и когда ты узнаешь имя отца, то вряд ли захочешь видеть рядом со своей прекрасной дочерью этого венценосного мальчика.

– И кто же его отец?

– Геркле, сын Приама.

Вартуш прижала к себе Айрика.

– Тот самый Геркле? «Табунщик»? Он привёл нашу семью в эту страну как бранников... Тут родились наши дети, и тут, вдали от гор Урарту теперь наш дом... И сейчас только Геркле защищает нас от врагов... Пусть они дружат, о седобородый витязь...

– Гм, – усмехнулся Анхиз, – когда-то я, простой крестьянский сын, точно так же подружился с Приамом.

Анхиз опустил глаза, что-то вспоминая.

– Он залез к нам в сад за яблоками, – произнёс витязь и восхищённо добавил... – а какой был у нас сад!.. Приам обожал яблоки всегда. и уже в его саду растут яблони от саженцев взятых у моего отца...

Анхиз усмехнулся.

– Ну и задал же я ему тогда чертей! Сколько же нам было лет?.. Где-то столько же, сколько сейчас Тагу, а может чуть и старше мы были... И вот, уже третье поколение, я начальник дворцовой стражи. Я хоронил деда Приама, и отца Приама. На моих глазах состарился сам Приам, и выросли его дети, которых я воспитывал. Теперь я воспитываю его внука...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.